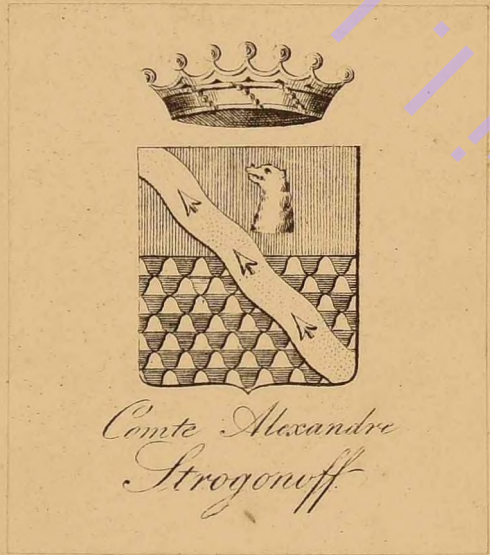

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

СВ
8

СТРОГАНОВ
3228

*Comte Alexandre
Stroganoff*

РЕВИЗОРЪ,

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧ. Н. ГОГОЛЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 26 Июля
1841 года.

Ценсоръ *И. Снегиревъ.*

Сенсор
3278

Печатано съ изданія 1836 года, съ исправленіями.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ СКВОЗ-
НИКЪ-ДМУХАНОВСКІЙ, Го-
родничій. Г. Сосницкій.
АННА АНДРЕЕВНА, жена его. . Г-жа Сосницкая.
МАРЬЯ АНТОНОВНА, дочь его. . Г-жа Асенкова м.
ЛУКА ЛУКИЧЪ ХЛОПОВЪ,
Смотритель Училищъ. Г. Хотяинцовъ.
ЖЕНА ЕГО. Г-жа Шемаева.
АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛЯП-
КИНЪ-ТЯПКИНЪ, Судья. . . . Г. Григорьевъ Б.
АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ ЗЕМ-
ЛЕНКА, Попечитель Богоугод-
ныхъ Заведеній. Г. Толченоеъ.
ИВАНЪ КУЗМИЧЪ ШПЕКИНЪ,
Почтмейстеръ. Г. Рославской.
ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ
ДОВЧИНСКІЙ. } Городскіе Г. Крамолей
ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ } помѣщики. }
ВОВЧИНСКІЙ. } Г. Петровъ }
АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ
ХЛЕСТАКОВЪ, Чиновникъ изъ
Петербурга. Г. Дюръ.

Воспитан-
ники.

ОСИПЪ, слуга его. Г. Афанасьевъ.

ХРИСТАНЪ ИВАНОВИЧЪ ГИВ-

НЕРЪ, уездный лекарь.

ФЕДОРЪ АНДРЕЕ-

ВИЧЪ ЛЮЛЮ-

КОВЪ.

ИВАНЪ ЛАЗАРЕ-

ВИЧЪ РОСТА-

КОВСКІЙ.

СТЕПАНЪ ИВАНО-

ВИЧЪ КОРОВ-

КИНЪ.

СТЕПАНЪ ИЛЬИЧЪ УЖОВЕР-

ТОВЪ, Частный Пристава.

СВИСТУНОВЪ. {

ПУГОВИЦЫНЪ. {

ДЕРЖИМОРДА. {

АВДУЛИНЪ КУНЕЦЪ.

ФЕВРОНЯ ПЕТРОВНА ПОШЛЕ-

ПИНА, слесарша.

МИШКА, слуга Городничаго.

СЛУГА трактирной.

Гости и гости, купцы, мѣщане, просители.

Отстав-
ные чи- Г. Горшенковъ (вос).
новники,
почетныя
лица въ Г. Бекеръ 2.
городъ.
Г. Байковъ.

Г. Григорьевъ м.
Г. Дубровинъ.
Г. Чайской.
Г. Ахалинъ (вос).
Г. Сосновскій.

ДѢЙСТВІЕ I.

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ГОРОДНИЧАГО.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРОДНИЧІЙ, ПОПЕЧИТЕЛЬ БОГОУГОДНЫХЪ ЗА-
ВЕДЕНІЙ, СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩЪ, СУДЬЯ, ЧАСТ-
НЫЙ ПРИСТАВЪ, ЛѢКАРЬ, ДВА КВАРТАЛЬНЫХЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы
сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе. Меня увѣ-
домляютъ, что отпавился инкогнито изъ Петер-
бурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ
обревизовать въ нашей губерніи все относящее-
ся по части гражданскаго управленія.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Что вы говорите! изъ Петербурга?

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ, въ испугѣ.

Съ секретнымъ предписаніемъ?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, въ испуви.

Инкогнито?

ГОРОДНИЧІЙ.

Я, признаюсь вамъ откровенно, очень потревожился. Такъ какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, такихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго, вы Артемій Филиповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А! вотъ: «Спѣшу между прочимъ увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію, и особенно нашъ уѣздъ. (*Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человекъ умной и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки»... (*остановясь*). Ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой часъ, если только уже не пріѣхалъ, и не

живетъ гдѣ нибудь нигде... Вчерашняго дни я... Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Ивайъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ»... и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отъ чего это? За чѣмъ же къ намъ Ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ уже, кажется, такъ далеко отъ всего, что объ немъ бы и заботиться нечего.

ГОРОДНИЧІЙ, испуская вздохъ.

Говорите же вы! до сегодняшняго дни Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ то мѣстѣ того-то посадили за взятки, того-то отдали подъ судъ за потворство и воровство, или за подлогъ; но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ, а къ намъ до сихъ поръ никакихъ ни ревизовокъ, ни Ревизоровъ... ничего не было.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это зна-

читъ, Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отиравляетъ чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, вы хотя и ученой человекъ, но не туда попали. Гдѣ нашему уѣздному городничь? Еслибъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ нибудь возможно предположить; а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ—въ глуши.... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, я вамъ скажу, начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себя мотаетъ на усь.

ГОРОДНИЧІЙ, *махнувъ рукой.*

Ну!... васъ я знаю, не переговоришь. Я, господа, собралъ васъ нарочно.... По своей части, то есть въ отношеніи устройства городского и полиціи, я уже кое-какъ распорядился, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филиповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственные вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки бы-

ли бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надшеать предъ каждою кроватью по-латынъ, или на другомъ какомъ языкѣ.... какъ признается пужно — это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ — всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ котораго дня и часа, какъ найдете лучше. (*Помолчавъ и покачавъ головою*). У васъ больные такой крѣпкой табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибъ ихъ было меньше, потому, что сей часъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

На счетъ этотъ мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа леченія: я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ убытчиться и выписывать дорогія лекарства для какого нибудь инвалида?... Человекъ простой если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. При томъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бы съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по Руски. Лучше же сберегу я казенной интересъ, и уменьшеніемъ расходовъ увеличу

сумму. Тогда и Начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представитъ меня къ отличію въ поощреніе прочимъ, (обращаясь къ Христіану Ивановичу), то есть я разумью, что при этомъ и вамъ будетъ какое нибудь благоволеніе.

ХРИСТІАНЪ ИВАНОВИЧЪ издастъ звукъ отчасти похожій на букву и, и нѣсколько на е.

ГОРОДНИЧІЙ.

Вамъ тоже посоветовалъ бы, Аммосъ Федоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ полами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводится всякому похвально, и почемужъ сторожу и не завести его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ не прилично.... я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Кроме того дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самимъ шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его принять, а тамъ какъ пройдетъ Ревизоръ, вы пожалуй опять его можете повѣсить. Также засѣдатель вашъ.... онъ, можетъ быть, очень хорошій человекъ и свѣдущій въ

своимъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бѣ онъ только что вышелъ изъ винокуреннаго завода?... Это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлеченъ. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько поправить, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посоветовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

ХРИСТІАНЪ ИВАНОВИЧЪ издастъ тотъ же звукъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Нѣтъ, этого уже не возможно выгнать: онъ говоритъ точно, что какъ-то въ дѣтствѣ мамка его ушибла и съ того времени отъ него отдаетъ не много водкою.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распорядка, и того, что называется въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣтъ человека, который бы за собою не имѣлъ какихъ нибудь грѣховъ. Это

уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорить.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Чтожь вы полагаете, Антошь Антоновичъ, гръш-ками! Гръшки гръшкамъ рознь. У меня если есть гръшки, то самые невинныя! Вѣдь я, какъ вамъ известно, беру взятки борзыми щенками.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Э, нѣтъ, Антошь Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ: шуба стоитъ пять сотъ рублей, да...

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете, вы въ церковь ни когда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ твердъ, и каждое Воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уздномъ судѣ, а оно врядъ ли кто когда нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно на счетъ учителей. Они люди конечно ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странныя поступки, натурально неразлучныя съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо... не вспомню его фамиліи, ни какъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедши на кафедру, не сдѣлать гримасу — вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*. И потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть оно тамъ и нужно такъ, — объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посетителю — это можетъ быть очень худо. Г. Ревизоръ, или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Ахъ Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

ГОРОДНИЧІЙ.

Тоже я долженъ вамъ замѣтить и объ учителе по исторической части. Онъ ученай голова — это видно, и свѣдѣній нахваталъ тму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его.... ну, покаместъ говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ съдѣлалось. Я думалъ что пожаръ. Ей Богу! сбѣжалъ съ кафедры и, что силы есть, хватъ стуломъ объ полъ. Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Да, онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ.... Право я не знаю, что и дѣлать съ нимъ....

ГОРОДНИЧІЙ.

Да. Таковъ уже неизъяснимый законъ судьбы: что умной человекъ или пьяница, или рожу такую состроить, что хоть святыхъ выноси.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Эко право хлопотливое дѣло.

ГОРОДНИЧІЙ.

Это бы еще ни чего хлопоты; худо что не знаешь съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Никогниго проклятое — вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинь-Тяпкинь — а! подать сюда Ляпкина Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земленика. А! подать сюда Землянику! Вотъ что худо.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Здравствуй, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно послалъ за вами съ тѣмъ, чтобы сообщить очень важную новость.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Боб-

чинскаго. Онъ только что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЬ.

А что думаю? война съ Турками будетъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Въ одно слово! я самъ тоже думалъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не то.

ПОЧТМЕЙСТЕРЬ.

Право война съ Турками. Это все Французъ гадитъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какая тутъ война съ Турками! Гдѣ тутъ Турки? Тутъ просто намъ плохо будетъ, а не Туркамъ. Это уже извѣстно: меня увѣдомляетъ достовѣрный человекъ, что именно ѣдетъ чиновникъ съ тѣмъ, что бь осмотрѣть въ нашемъ городѣ все гражданское устройство.

ПОЧТМЕЙСТЕРЬ.

А, можетъ быть, очень можетъ быть. И это правда.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну какъ вы, Иванъ Кузьмичъ, а меня даже немного по кожѣ подираетъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЬ.

Да я и самъ чувствую... а вы очень бонтесь?

ГОРОДНИЧІЙ.

Чего жь бояться! боязни нѣтъ, а такъ какъ-то не ловко... больше со стороны купечества и гражданства здѣшняго. Я, признаться сказать, имъ немножко солоно пришлося. Они на меня какъ коршуны... такъ бы всего и растрепали, только перья полетятъ во всѣ стороны. Пожалуйста сюда [Иванъ Кузьмичъ] я вамъ кое что скажу. (*Отводитъ его въ сторону*). Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ быть онъ, если не прѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто нибудь на меня. Отъ чегожъ такая напасть на нашъ городъ? Да при томъ еще инкогнито? Чортъ знаетъ, что такое: инкогнито! Въдѣ начальствожъ есть въ городѣ, къ чему жь тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, — знаете этакъ немножко распечатать и прочитать: не содер-

жится ли въ немъ какогонибудь донесенія, или просто переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какънибудь изъ глины слѣпокъ; впрочемъ можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Знаю, знаю.... Я это дѣлаю и безъ того: не то что бѣ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства; ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть поваго на свѣтъ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе! иное письмо съ большимъ удовольствіемъ прочтешь: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи... назидательные даже! лучше нежели въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. А вы никогда не читали?

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, не читаль; я однако же радъ, что вы это дѣлаете. Это въ жизни хорошо. Скажите, тамъ вы до сихъ поръ ни чего не начитывали о какомънибудь чиновникѣ изъ Петербурга.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

О Петербургскомъ ничего нѣтъ; а о Костромскихъ и Саратовскихъ много говорится. Жаль однакожь, что вы никогда не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читаль я:

одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю свосму, и описаль балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо. «Я провожу, — говоритъ, — время съ крайнимъ удовольствіемъ; барышень, — говоритъ, — много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ... Съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описаль. Вотъ, если хотите, я вамъ дамъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

ГОРОДНИЧІЙ.

Покорнѣйше благодарю. Теперь, право, мнѣ не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: какъ только получите какоенибудь извѣстіе, то сей часъ же его ко мнѣ; а если жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Смотрите, достанется вамъ когданибудь за это.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ахъ, батюшки!

ГОРОДНИЧІЙ.

Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ

этого нуоличное что нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

АХМОСЬ ФЕДОРОВИЧЪ.

Эко, въ самомъ дѣль, какое непредвидимое извѣстіе! А я, признаюсь, шель было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы поподчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. У меня завели тяжбу два помѣщика сосѣда, и я теперь травлю зайцевъ на земляхъ и у того и у другаго.

ГОРОДНИЧІЙ.

Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое. Такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ, ВОВЧИНСКІЙ И ДОВЧИНСКІЙ, *оба входятъ запыхавшись.*

ВОВЧИНСКІЙ

Чрезвычайное происшествіе!

ДОВЧИНСКІЙ.

Неожиданное извѣстіе!

ВСЬ.

Что? что такое?

ДОВЧИНСКІЙ.

Непредвидимое дѣло: приходимъ въ гостиницу...

ВОВЧИНСКІЙ, *перевѣсивъ пл.*

Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

ДОВЧИНСКІЙ, *перевѣсивъ.*

Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разкажу.

ВОВЧИНСКІЙ.

Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

ДОВЧИНСКІЙ.

А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ; вы сей часъ собьетесь.

ВОВЧИНСКІЙ.

Э, нѣтъ, помню. Ей Богу, помню! Ужъ не мѣшайте;—пусть я разкажу. Не мѣшайте!... Скажите, госнода, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

*

ГОРОДНИЧІЙ.

Да что такое? говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣсть. Садитесь, господа! сдѣлайте милость садитесь! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стуль. (*Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*). Ну, что такое?

ВОВЧИНСКІЙ.

Позвольте, я сей часъ — по порядку. Какъ только вышелъ я отъ васъ.... Э, не мѣшайте Петръ Ивановичъ! не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость, я ужъ самъ знаю!... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину; а не заставши Коробкина дома, заворотилъ къ Ростановскому; а не заставши Ростановскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость; да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ....

ДОВЧИНСКІЙ.

Возлѣ бутки, гдѣ продаются пироги.

ВОВЧИНСКІЙ.

Возлѣ бутки, гдѣ продаются пироги. Слышали ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ

уже слышали объ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю зачѣмъ-то, была послана къ Филипу Антоновичу Почечуеву.

ДОВЧИНСКІЙ.

За боченкомъ для Французской водки.

ВОВЧИНСКІЙ.

За боченкомъ для Французской водки. Вотъ мы вошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Почечуеву. Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!... Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ мнѣ: сегодня я знаю привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ — закусимъ. Только что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человекъ....

ДОВЧИНСКІЙ *перебивая.*

Не дурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ....

ДОВЧИНСКІЙ.

Не дурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходить по комнатамъ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія.... такіе важные поступки, и такъ здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули

пальцомъ и подозвали трактирщика, — трактирщица Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ, — большія подастъ надежды; со временемъ также, какъ отецъ, будетъ содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: кто такой этотъ молодой человекъ? а Власъ говорить: это, говорить.... Э—не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста не перебивайте! Вы не расскажете, ей Богу не расскажете! вы немного шепеляете; у васъ, я знаю, одинъ зубъ со свистомъ.... Это, говорить, молодой человекъ чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ, и денегъ хоть бы копейку заплатилъ. Меня въ одну минуту такъ и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу....

ДОВЧИНСКІЙ.

Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: Э!...

ВОВЧИНСКІЙ.

Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ Богъ знаетъ куда: въ Саратовскую гу-

бернію! — Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Что вы говорите! Не можетъ быть. (*Придвигаетъ поближе стулъ*). Да нѣтъ, это вамъ такъ показалось; — это кто нибудь другой.

ДОВЧИНСКІЙ.

Помилуйте, какъ не онъ: и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ! Кому же бѣ быть, какъ не ему? и съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ?

ВОВЧИНСКІЙ.

Онъ, онъ, ей Богу, онъ.... Я ставлю Богъ знаетъ что.... Такой наблюдательной: все осмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ наши тарелки, полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительной, что Боже сохрани!

ГОРОДНИЧІЙ.

Ахъ, Боже мой! помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

ДОВЧИНСКІЙ.

Въ 5-мъ №, подъ лѣстницей.

ВОВЧИНСКІЙ.

Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

ГОРОДНИЧІЙ.

И давно онъ ужъ здѣсь?

ДОВЧИНСКІЙ.

Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

ГОРОДНИЧІЙ.

Полторы недѣли! что вы! (*Въ сторону*) Ай, ай, ай! (*почесывая ухо*) въ эти полторы недѣли высъчена почти напрасно унтеръ-офицерская жена! Боже мой! въ эти полторы недѣли арестантамъ ни какой провизіи не выдавали. На улицахъ кабакъ, нечистота. О Боже мой, Боже мой!... (*Хватается за голову*).

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры, и сей же часъ ѣхать прямо къ нему въ гостинницу.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

А я полагаю, Антонъ Антоновичъ, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, передъ пустить Голову: онъ человекъ видной. Не дурно бы тоже и священство. Это имѣетъ глубокое и таинственное значеніе, — вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Массона...

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! позвольте ужъ мнѣ самому это обдѣлать (*Обращаясь къ Бобчинскому*). Вы говорите, что онъ человекъ молодой?

ВОВЧИНСКІЙ.

Молодой, лѣтъ двадцати трехъ, или четырехъ съ небольшимъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну это хорошо, что молодой человекъ. Мы вотъ какъ сдѣлаемъ: вы теперь приготовляйте каждый по своей части наскоро, что можете къ принятію, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, такъ какъ бы просто для прогулки, — будто бы навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихънибудь недостатковъ, или неприятностей. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

СВИСТУНОВЪ.

Что угодно?

ГОРОДНИЧІЙ.

Ступай сей часъ за Частнымъ Приставомъ... или, нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ комунибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ Частнаго Пристава, и приходи сюда.

(*Квартальный бѣжитъ въ поыхахъ*).

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ

Идемъ, идемъ, Аммосъ Федоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да вамъ-то еще ничего: у васъ все въ исправности.

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больныхъ сегодня и на кухню ничего не готовилось.

(Судья, Попечитель богоугодныхъ заведеній, Смотритель училищъ и Почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГОРОДНИЧІЙ, ВОВЧИНСКІЙ, ДОВЧИНСКІЙ и КВАРТАЛЬНЫЙ

ГОРОДНИЧІЙ.

Что, дрожки тамъ стоятъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Соятъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! ступай, принеси... Да другіе-то гдѣ? Неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ такъ?

КВАРТАЛЬНОЙ.

Да такъ: привезли его по утру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

ГОРОДНИЧІЙ, хватаясь за голову.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу... или нѣтъ, бѣги прежде въ комнату — слышь! и принеси отсюда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ.

ВОВЧИНСКІЙ.

И я, и я... Позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! не ловко, да и въ дрожки не помѣстимся.

ДОБЧИНСКИЙ.

Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ такъ, только посмотреть въ щелочку; такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... Больше сущность и поступки его, а я ничего.

ГОРОДНИЧІЙ, *принимая шпагу, къ Квартальному.*

Бѣги сей часъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятой купчишка Авдунинъ—видитъ, что у Городничаго старая шпага, не прислалъ новой. О лукавой пародь! А такъ, мошенники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ,—чортъ возьми, по улицѣ!—по метль, и вывели бы всю улицу, что идетъ къ трактиру, и вывели бы чисто. Слышишь? Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки!... Смотри, у меня ухо остро!... Что ты съблалъ съ купцомъ Черняевымъ, а?... Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна; а ты стянулъ всю штучку. Смотри! не по чину берешь!... Ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ И ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А, Степанъ Ильичъ! Скажите, ради Бога, куда вы запропастились? На что это похоже?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Я былъ тутъ сей часъ за воротами.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А Держиморда гдѣ?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Держиморда повхалъ на пожарной трубѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А Прохоровъ пьянъ?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Пьянь.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы это такъ допустили?

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка, — побхалъ туда для порядка, а возвратился пьянь.

ГОРОДНИЧІЙ.

Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что: Квартальный Пуговицынь... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старой заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную въху, чтобъ было похоже на планировку. Оно чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности Градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телегъ всякаго сору. Что это за скверной городъ: только гдѣ нибудь поставь какой нибудь памятникъ, или просто заборъ, чортъ ихъ знаетъ откуда и нанесутъ всякой дряни! *(Вздыхаетъ)*. Да если прѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольно ли? — что бы говорили: всемъ довольны, ваше благородіе; а которой будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія.... О, охъ, хо, хо, хъ! гръшень,

во многомъ гръшень! *(Беретъ вмѣсто шляпы футляръ)*. Дай только Боже чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу. какой еще ни кто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже — мой!... Ёдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ)*.

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ

Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

ГОРОДНИЧІЙ, *бросаетъ ее.*

Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ, отъ чего не выстроена церковь при Богоугодномъ заведеніи, на которую назадъ тому пять лѣтъ была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась стропгся, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то пожалуй, кто нибудь, позабывшись, съ дуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордъ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ для порядка всемъ ставить фонари подъ глазами: и правому и виноватому. Ёдемъ, ёдемъ, Петръ Ивановичъ. *(Уходитъ и возвращается)*. Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарнизана надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА, *вбѣгаютъ на сцену.*

АННА АНДРЕЕВНА.

Гдѣжь, гдѣжь они? Ахъ, Боже мой!... *(Отворяя дверь).* Мужъ! Антоша! Антонъ! *(Говоритъ скоро).* А все ты, а все за тобой. И пошла копать: я булабочку, я косынку... *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ).* Антонъ, куда, куда? что, прѣхаль? Ревизоръ? съ усами? съ какими усами?

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Послѣ, послѣ, матушка.

АННА АНДРЕЕВНА

Послѣ? Вотъ новости — послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ, Полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ).* Уѣхаль! Я тебѣ вспомню это! А все эта: маменька, маменька, погодите; зашпилю сзади косынку; я сей часъ. Вотъ тебѣ и сей часъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство — услышала, что Почтмейстеръ здѣсь, и давай передъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за

ней волочится, а онъ просто тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Да чтожь дѣлать, маминька? Все равно: чрезъ два часа мы все узнаемъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Чрезъ два часа! покорнѣйше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ. Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяць еще лучше можно узнать. *(Свѣшивается въ окно).* Эй, Авдотья! А! что Авдотья, ты слышала, тамъ прѣхаль кто-то... Не слышала? Глупая какая! Машетъ руками... Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха: все женихи сидятъ. А? скоро уѣхали!... Да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай сей часъ! Слышишь, побѣги, разспроси куда поѣхали, да разспроси хорошенько, что за прѣзжій, каковъ онъ, — слышишь?... Подсмотри въ щелку, и узнай все, и глаза какіе — черные, или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, — слышишь? *(Объ остаются смотрящими въ окно; занавѣсъ опускается).*

ДВІСТВІЕ II.

МАЛЕНЬКАЯ КОМНАТА ВЪ ГОСТИННИЦѢ. ПОСТЕЛЬ,
СТОЛЬ, ЧЕМОДАНЪ, ПУСТАЯ БУТЫЛКА, САПОГИ, ПЛА-
ТЯНАЯ ЩЕТКА И ПРОЧЕЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСИПЪ *лежитъ на барской по-
стели.*

Чортъ побери, ъсть такъ хочется — и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доведемъ да и только домой, — что ты прикажешь дѣлать!... Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидить и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогонъ; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя. (*Дразнитъ его*). «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдь спроси самый лучший я не могу ъсть дурнаго обѣда: мнѣ нуженъ лучший обѣдь.» Добро бы было въ самомъ дѣль что нибудь путное, а то вѣдь смистратишка

простой!... Съ проѣжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки, — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѣшь пироги. Ну кто жъ спорить — конечно — если пойдешь на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, что хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступить. Пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: почтенной; на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ расскажетъ про лагеря, и объявитъ, что всякая звѣзда значить на небѣ, такъ вотъ какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредеть; горничная иной разъ заглянетъ такая... Фу, фу, фу! (*усмѣхается и трясетъ головою*) галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ вы. Наскучило итти — берешь извозчика, и сидишь себѣ какъ баринъ; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждаго дома есть сквозные ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя ни какой дьяволъ не сыщеть. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ

другой чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь на примѣрь... А все онъ виноватъ!... Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки; чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!... пошелъ кутить: ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеатръ билетъ, а тамъ чрезъ недѣлю — глядь, и посымаешь на толкучій продавать новой фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спустить, такъ что на немъ всего останется сертучашка, да шинелишка... Ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтора-ста ему одинъ фракъ станеть, а на рынкѣ спустить рублей за двадцать, а о брюкахъ и говорить нечего — ни почемъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если бы узналъ это старой баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бы четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи!... Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ... (*Со вздохомъ*)

Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія нибудь щи! Какъ нѣтъ, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ.

(*Носильно схватывается съ постели*).

ДВЛЕНІЕ II.

ОСИПЪ И ХЛЕСТАКОВЪ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

На прими это. (Отдаетъ фуражку и тросточку). А опять валялся на кровати?

ОСИПЪ.

Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати что ли?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Врешь, валялся; видишь вся склочена.

ОСИПЪ.

Да на что мнѣ она? Не знаю я развѣ что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

ХЛЕСТАКОВЪ, ходитъ по комнатѣ.

Посмотри тамъ въ картузь — табаку нѣтъ?

ОСИПЪ.

Да гдѣ жъ ему быть—табаку! Вы еще четвертаго дня послѣднее выкурили.

ХЛЕСТАКОВЪ *ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы. Наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ.*

Послушай... эй, Осипъ!

ОСИПЪ.

Чего изволите?

ХЛЕСТАКОВЪ, *грохочитъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ.*

Ты ступай туда.

ОСИПЪ.

Куда?

ХЛЕСТАКОВЪ *голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ.*

Внизъ, въ буфетъ.... Тамъ скажи.... чтобы мнѣ дали по обѣдать.

ОСИПЪ.

Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ ты смѣешь, дуракъ!

ОСИПЪ.

Да такъ; все равно хоть и пойду, ничего изъ

этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ онъ смѣетъ не дать. Въгъ еще вздоръ!

ОСИПЪ.

Еще, говоритъ, и къ Городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ видали.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А ты такъ ужъ и радъ сей часъ пересказывать.

ОСИПЪ.

Говоритъ: этакъ всякой прѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. Я, говоритъ, шутить не буду: я прямо съ жалобою, чтобъ на съзжую, да въ тюрьму.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, ну, дуракъ, полно. Ступай, ступай, скажи ему.

ОСИПЪ.

Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

На что жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

ОСИПЪ.

Да, право, сударь...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.
(Осипъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ.

Ужасно какъ хочется ѣсть. Такъ немножко прошелся; думалъ, не пройдетъ ли аппетитъ, — нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ. Да, если бѣ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пьхотный Капитанъ больше всего меня поддѣлъ; однако жъ, что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываетъ. Всего какихъ нибудь четверть часа посидѣлъ, и все обобралъ. Славно играетъ! Если бѣ еще гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтиться. Впрочемъ, какъ же встрѣтиться? на это все нужно случай. Когда бѣ въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой: надо-бло въ дорогѣ! Нарочно такой мерзкой гор-

дешка: въ другихъ, по крайней мѣрѣ, что нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овошенной лавкѣ балыки еще сносныя, но проклятыя сидѣльцы очень мало даютъ на пробу. (Насвистываетъ сначала изъ Роберта, потомъ: «не шей ты мнѣ матушка,» а наконецъ ни се, ни то). Никто не хочетъ идти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХЛЕСТАКОВЪ, ОСИПЪ И ТРАКТИРНЫЙ СЛУГА.

СЛУГА.

Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

СЛУГА.

Слава Богу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну что, какъ у васъ въ гостиницѣ, хорошо ли все идетъ?

СЛУГА.

Да, слава Богу, все хорошо.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Много проѣзжающихъ?

СЛУГА.

Да, достаточно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ; такъ пожалуста поторопи, чтобъ поскорѣе; видишь, мнѣ сей часъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

СЛУГА.

Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ никакъ хотѣлъ идти сегодня жаловаться Городничему.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же — вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отоцать. Мнѣ очень ѣсть хочется; я не шутя это говорю.

СЛУГА.

Такъ-съ. Онъ говорилъ: я ему обѣдать не дамъ, покамѣстъ онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее. Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да ты урезонь, уговори его.

СЛУГА.

Да что жь ему такое говорить?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ты растолкуй ему сурьезно, что мнѣ нужно вѣсть. Деньги сами собою.... Онъ думаетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не повѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

СЛУГА.

Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНІЕ V.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ.

Это скверно однакожь, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ вѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что нибудь пустить въ оборотъ? Нѣтъ, не хочу; лучше немного поголодаю, да по крайней мѣрѣ прїѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы прїѣхать домой въ каретѣ. Очень бы не

дурно подкатить къ какому нибудь сосѣду помѣщику съ фонарями подъ крыльцо, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значить «прикажете принять». Къ нимъ если прїѣдетъ какой нибудь гусь помѣщикъ, то въ ту же минуту вылазятъ изъ брычки, и, не говоря ни слова, такъ прямо медвѣдь и валится въ гостиную. Къ дочекѣ какой нибудь хорошенькой подойдешь: «сударыня, какъ я...» Тѣфу, (плюетъ), даже тошнить, такъ вѣсть хочется.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХЛЕСТАКОВЪ, ОСИПЪ, потѣмъ СЛУГА.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что?

ОСИПЪ.

Несутъ обѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ, прихлопываетъ въ ладоши, и слегка подпрыгиваетъ на стуль.

Несутъ! несутъ! несутъ!

СЛУГА. съ тарелками и салфеткой.

Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну хозяинъ, хозяинъ... Я, плевать на твоего хозяина! Что тамъ такое?

СЛУГА.

Супъ и жаркое.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ! только два блюда?

СЛУГА.

Только-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вотъ вздоръ какой! Я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это въ самомъ дѣль такое!... этого мало.

СЛУГА.

Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А соуса почему нѣтъ?

СЛУГА.

Соуса нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отъ чего же нѣтъ! Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, какъ готовилась рыба и котлеты.

СЛУГА.

Да это можетъ быть для тѣхъ, которые почище-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ахъ, ты дуракъ!

СЛУГА.

Да-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Поросенокъ ты скверной!... Какъ же они ѣдятъ, а я не ѣмъ? Отъ чего же я, чортъ меня возьми, немогу также? Развѣ они не такіе же проѣзжающіе, какъ и я?

СЛУГА.

Да ужъ известно, что не такіе.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какіе же?

СЛУГА.

Обнаковенно какіе! Они ужъ известно: они деньги платятъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. *(Наливаетъ супъ и пьетъ)*. Что это за супъ? Ты просто воды налил въ чашку: ни какого вкуса нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу; дай мнѣ другаго.

СЛУГА.

Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не нужно.

ХЛЕСТАКОВЪ, *защипал рукою кушанье.*

Ну, ну, ну... оставь, дуракъ; ты привыкъ тамъ обращаться съ другими. Я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... *(Бстъ)*. Боже мой, какой супъ! *(Продолжаетъ пить)*. Я думаю, еще ни одинъ человекъ въ мірѣ не вдалъ такого супу. Какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Ръжетъ курицу)*. Ай, ай, ай, какая курица!... Дай жаркое!... Тамъ супу немного осталось. Осипъ, возьми себѣ. *(Ръжетъ жаркое)*. Что это за жаркое? Это не жаркое.

СЛУГА.

Да что жъ такое?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Чортъ его знаетъ что такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины

(Бстъ). Мошенники, каналы, чѣмъ они кормятъ! И челюсти заболятъ, если съешь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ)*. Подлецы! совершенно какъ деревянная кора, ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ, — мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой)*. Больше ничего нѣтъ?

СЛУГА.

Нѣтъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Каналы! подлецы! и даже хотя бы какойнибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ провѣжающихъ.

СЛУГА *убираетъ и уноситъ тарелки влѣтъ съ Осипомъ.*

ЯВЛЕНИЕ VII.

ХЛЕСТАКОВЪ, *потомъ ОСИПЪ.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

Право, какъ будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы мѣлочъ, послать бы на рынокъ, и купить хоть сайку.

ОСИПЪ *входитъ.*

Тамъ чего-то, Городничій прѣвхаль, освѣдомляется, и спрашиваетъ о васъ.

ХЛЕСТАКОВЪ, *испугавшись.*

Вотъ тебѣ на! Я, ей Богу, никакъ не думалъ про это.... Эка бестія, трактирщикъ! Если въ самомъ дѣлѣ потащитъ въ тюрьму? Чтожъ? если благороднымъ образомъ, еще ничего, я, пожалуй, пойду.... Нѣтъ, что жъ я говорю: пойду? Тамъ вчера смотрѣли на меня двѣ купеческія дочери, офицеры тоже безпрестанно ходятъ.... Нѣтъ, я не соглашусь. Онъ не можетъ сдѣлать этого, или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина.... Это можно какого нибудь мѣщанина, или ремесленника.... Нѣтъ, не поддаваться! (*Ободряется*). Что онъ можетъ мнѣ? Я скажу ему: какъ вы!... я знать не хочу.... (*У дверейъ вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VІІІ.

ХЛЕСТАКОВЪ, ГОРОДНИЧІЙ И ДОВЧИНСКІЙ.

(*Городничій вошедъ останавливается. Оба въ испугъ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза*).

ГОРОДНИЧІЙ, *немного оправившись и проткнувъ руки по швамъ.*

Желаю здравствовать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *кланяется:*

Мое почтеніе....

ГОРОДНИЧІЙ.

Извините.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ничего.

ГОРОДНИЧІЙ.

Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проезжающимъ и всемъ благороднымъ людямъ ни какихъ притѣсненій....

ХЛЕСТАКОВЪ, *сначала немного заикается, но къ концу рѣчи заговоритъ громко.*

Да что жъ дѣлать!... я невиноватъ.... я право заплачу.... Мнѣ пришлютъ изъ деревни. (*Боб-*

чинскій выглядываетъ изъ дверей). Онъ больше виновать: говядину мнѣ подастъ такую твердую, какъ бревно; а супъ... онъ чортъ знаетъ чего плеснулъ туда: я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странной: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я?... Вотъ новость!

ГОРОДНИЧІЙ, *робля.*

Извините, я, право, не виновать. На рынокъ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ Холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, я, не хочу; я знаю, что значить на другую квартиру, то есть въ тюрьму. За чѣмъ же меня... Вы не имѣете права... Я покажу вамъ подорожную... Я чиновникъ, ѣду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по Министерству... Вы не смѣете... я буду жаловаться.

ГОРОДНИЧІЙ, *въ сторону.*

О Боже мой! Все, все узналъ... Какой сердитой! Все рассказали проклятые купцы.

ХЛЕСТАКОВЪ, *храбрась*

Да какъ вы смѣете!... Меня самъ Министръ знаетъ... Нѣтъ, не пойду! Ей Богу не пойду, вотъ хоть вы со всей своей командой... (*Въ сторону*). Не поддаваться, право не поддаваться, и если что нибудь... то... (*Беретъ сзади рукою бутылку*).

ГОРОДНИЧІЙ, *выткнувшись и дрожа вслѣдъ тѣломъ.*

Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія... несдѣлайте несчастнымъ человѣка.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло! Отъ того, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму,—вотъ прекрасно! (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугъ прячется*). Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

ГОРОДНИЧІЙ, *дрожа.*

По неопытности, ей Богу, по неопытности! Недостаточность состоянія... Казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что нибудь, да на пару платя. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу, клевета! Это выдумали злодѣи

мой; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да... конечно... *(Въ размышленіи)* Я не знаю однакожь, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ?... Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копейки нѣтъ денегъ.

ГОРОДНИЧІЙ, въ сторону.

О тонкая штука! Экъ куда метнулъ! Какого туману напустилъ! Разбери кто хочетъ. Не знаешь съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ на авось. *(Въ слухъ)*. Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Такъ вы даете мнѣ въ займы?... О если такъ то я сей часъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сей же часъ и возвращу вамъ.... это вдругъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Помилуйте! я готовъ ожидать сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

ХЛЕСТАКОВЪ, принимая деньги.

Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копейки не было. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородный человекъ, а прежде я думалъ... *(Кладетъ ихъ въ карманъ)*.

ГОРОДНИЧІЙ, въ сторону.

Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ. Теперь дѣло можетъ быть на лады пойдеть. Я таки ему, вмѣсто двухъ сотъ, четыреста вернулъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ)*. Позови сюда трактирнаго слугу. *(къ Городничему и Добчинскому)*. А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость садитесь. *(Добчинскому)*. Садитесь, прошу покорнѣйше.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ничего, мы и такъ стоимъ.

Хлестаковъ.

Садитесь пожалуйста, я васъ прошу! (Добчинскому). Садитесь. (Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь).

Городничій, въ сторону.

Нужно быть посмѣлье. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человекъ. (Вслухъ). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающіе, потому что я не такъ какъ иной Городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому человеклоубію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ, и вотъ въ награду за ревностную службу случай доставилъ такое пріятное знакомство съ вами.

Хлестаковъ.

Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ чѣмъ заплатить.

Городничій, въ сторону.

Да рассказывай себѣ! (Вслухъ). Осмѣлюсь ли

спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

Хлестаковъ.

Я ѣду въ Саратовскую губернію въ собственную деревню.

Городничій, въ сторону съ лицомъ принимающимъ героическое выраженіе.

Въ Саратовскую губернію! О! да ты штука! (Вслухъ). Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогъ способности хорошо развиваются... и вы вѣрно такъ только по своей охотѣ ѣдете туда, для своего удовольствія.

Хлестаковъ.

Нѣтъ, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургъ лучше бы....

Городничій, въ сторону.

Батюшка требуетъ... А! экія пули отливать. А вѣдь какой маленькой... (Вслухъ). И на долгое время изволите ѣхать туда?

Хлестаковъ.

Не знаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ мужиками; помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однакожъ отставку подаю.

ГОРОДНИЧІЙ, *въ сторону.*

И въ отставку подалъ! Каково подвертываетъ! *(Вслухъ)*. И прекрасно дѣлаете. Что служба? Одиъ хлопоты: ночь не спишь—стараешься для отечества, не жалешь ни чего, а награда не известно еще когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату)*. Какія большія пятна по угламъ; должно быть течь и сырость бываетъ, и стѣны тоже ужь слишкомъ низенькія.... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я еще ни гдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, каналы, кусаютъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабыя глаза, или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да совсѣмъ темно, и хозяинъ завелъ такое обыкновеніе: не отпускаетъ совсѣмъ свѣчей. Иногда что нибудь хочется сдѣлать — почитать,

или такъ придетъ фантазія сочинить что нибудь; но не можно, потому что во.... все темно.

ГОРОДНИЧІЙ.

Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наибольшаго, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ быть я даже недостойнъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что?

ГОРОДНИЧІЙ.

Я бы дерзнулъ попросить васъ переѣхать ко мнѣ на домъ: у меня есть для васъ очень удобная комната.

ХЛЕСТАКОВЪ, *въ размышленіи.*

Какъ, то есть къ вамъ?... Да у васъ какая комната?

ГОРОДНИЧІЙ.

Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть — хоть не столичной, но хорошей столъ; припасы свѣжіе, не такіе, какіе отпускаютъ въ трактиръ за деньги. Не откажите! а я ужь такъ радъ буду гостю... У меня такой нравъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, что ни есть, готовъ предложить; особливо если еще притомъ гость такой просвѣщенный человекъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ

лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаюсь.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень поправились.

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

*Также и ТРАКТИРНЫЙ СЛУГА, сопровождаемый ОСИ-
ПОМЪ. БОБЧИНСКІЙ выглядываетъ въ
дверь.*

СЛУГА.

Изволили спрашивать?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да; подай счетъ.

СЛУГА.

Я ужь давеча подалъ вамъ другой счетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я ужь не помню твоихъ глупыхъ счетовъ.
Говори, сколько тамъ?

СЛУГА.

Вы изволили въ первый день спросить объѣдъ,

а на другой день только закусили семги, и потомъ пошли все въ долгъ брать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Дуракъ! еще началъ высчитывать. — Всего сколько слѣдуетъ?

ГОРОДНИЧІЙ.

Да вы не извольте беспокоиться, онъ подождетъ. (Слугъ). Пошелъ вонъ, тебѣ пришло.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ и то правда. (Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій).

ЯВЛЕНІЕ X.

ГОРОДНИЧІЙ, ХЛЕСТАКОВЪ, БОБЧИНСКІЙ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то богоугодныя и другія?

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что тамъ такое?

ГОРОДНИЧІЙ.

А такъ, посмотрите, какос у насъ теченіе дбль... знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо; тутъ можно много полезнаго вывести.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ — я готовъ.
(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь).

ГОРОДНИЧІЙ.

Также, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Извольте, извольте.

ГОРОДНИЧІЙ.

Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы — рассмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, тюрьмы... нѣтъ, лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

ГОРОДНИЧІЙ, *Добчинскому.*

Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

ДОВЧИНСКІЙ.

Ничего, я такъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Вы побѣгите наскоро ко мнѣ, и скажите женѣ моей... или лучше я дамъ вамъ записочку. (Хлестакову). Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя.

ХЛЕСТАКОВЪ.

За чѣмъ беспокоиться; впрочемъ извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила, только бумаги... не знаю... развѣ на этомъ счетѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я здѣсь напишу. (Пишетъ, и отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь срывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ

вмѣстѣ съ нею на сцену. Въ изданіи восклицанія. Бобчинскій поднимается).

Хлестаковъ.

Что? не ушиблись ли вы гдѣ нибудь?

Бобчинскій.

Ничего, ничего; только сверхъ носа небольшая нашлепка. Я забѣгу къ Христіану Ивановичу, онъ дастъ мнѣ пластыря, и все пройдетъ.

Городничій, *для Бобчинскому
укорительный знакъ,—
Хлестакову.*

Прошу покорнѣйше, пожалуйста! а слугъ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (*Осипу*). Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ Городничему, тебѣ всякой покажетъ. Прошу покорнѣйше! (*Пропускаетъ впередъ Хлестакова, и слѣдуетъ за нимъ, но оборотившись говоритъ съ укоризной Бобчинскому*). Ужъ и вы! не нашли другаго мѣста упасть! и растянулся, какъ чортъ знаетъ что такое! (*Уходитъ; за нимъ Бобчинскій; занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ III.

КОМНАТА ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА АНДРЕЕВНА, МАРЬЯ АНТОНОВНА *стоятъ у
окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ.*

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся; а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! какъ нарочно ни души! какъ будто бы вымерло все.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Да право, маменька, чрезъ минуты двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна притти. (*Всматривается въ окно и вскрикиваетъ*). Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ конецъ улицы.

АННА АНДРЕЕВНА.

Гдѣ итеть? У тебя вѣчно какія нибудь фантазіи... Ну да, итеть. Ктожь это итеть? Не большаго роста... во фракъ... ктожь это? А... Это однакожь досадно! ктожь бы это такой былъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Это Добчинскій, маменька.

АННА АНДРЕЕВНА.

Какой Добчинскій... Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. (*Машетъ платкомъ*). Эй вы, ступайте сюда! скорѣе!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, маменька, Добчинскій.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ—нарочно, чтобы только поспорить. Говорять тебѣ не Добчинскій.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

А что? а что, маминька? видите, что Добчинскій.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну да, Добчинскій, теперъ я вижу; изъ чего же ты споришь? (*Кричитъ въ окно*). Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну что, гдѣ они? А?... Да го-

ворите же оттуда, все равно. Что? очень строгой? А?... А мужъ, мужъ? (*Немного отступя отъ окна съ досадою*). Такой глупой: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не расскажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И ДОБЧИНСКІЙ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну скажите пожалуста: ну, не созвѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагаюсь, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы тудажь за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь! Не стыдно ли вамъ?... я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

ДОБЧИНСКІЙ.

Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣльствовать почтеніе, что не могу духу перевести. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Здравствуйте, Петръ Ивановичъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, что? ну, рассказывайте: что и какъ тамъ?

ДОВЧИНСКІЙ.

Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, да онъ кто такой?... Генераль?

ДОВЧИНСКІЙ.

Нѣтъ, не Генераль, а не уступитъ Генералу. Такое образованіе и важныя поступки.

АННА АНДРЕЕВНА.

А! такъ это тотъ самой, о которомъ было писано мужу?

ДОВЧИНСКІЙ.

Настоящій. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну расскажите: что и какъ?

ДОВЧИНСКІЙ.

Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича не много сурово: сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ;

но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича, и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнили мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь побхали осматривать богоугодныя заведенія... а то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да вамъ-то чего. бояться? вѣдь вы не служите.

ДОВЧИНСКІЙ.

Да такъ, знаете, когда вельможа говорить, то чувствуешь страхъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, чтожъ... это все однакожъ вздоръ. Расскажите, каковъ онъ собою: что, старъ или молодъ?

ДОВЧИНСКІЙ.

Молодой, молодой человекъ: лѣтъ двадцати трехъ; а говорить совсѣмъ такъ какъ старикъ. Извольте, говорить, я поѣду, и туда, и туда... (размахиваетъ руками) Такъ это все славно! Я, говорить, и написать, и почитать люблю; но

мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говоритъ, немножко темно.

АННА АНДРЕЕВНА.

А собой каковъ онъ: брюнетъ, или блондинъ?

ДОВЧИНСКІЙ.

Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые какъ звѣрки: такъ въ смущенье даже приводятъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Что тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ. *(Читаетъ)*. «Сибшу тебя увѣдомитъ, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповав на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи щары рубль двадцать пять копеекъ».... *(Останавливается)*. Я ничего не понимаю; къ чему же тутъ соленые огурцы и щара?

ДОВЧИНСКІЙ.

А, это Антонъ Антоновичъ писалъ на черновой бумагѣ по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

А да, точно! *(Продолжаетъ читать)*. «Но уповав на милосердіе Божіе, кажется все будетъ

къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи у Артемія Филиповича. А вина вели побольше; скажи купцу Абдулну, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...» Ахъ Боже мой! это однакожь нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

ДОВЧИНСКІЙ, *блѣжитъ и кричитъ въ дверь*.

Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ)*.

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай: бѣги къ купцу Абдулну.... Постою, я дамъ тебѣ записочку. *(Садится къ столу, пишетъ записку, и между тѣмъ говоритъ)*. Эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобъ онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулну, и принесъ оттуда вина. А самъ поди сей часъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставитъ кровать, рукомоишкѣ и прочее.

ДОВЧИНСКІЙ.

Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обзрѣваетъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ступайте, ступайте, я не держу васъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

АННА АНДРЕЕВНА, И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столбчатая штука; Боже сохрани, чтобы чегонибудь не осмѣять: тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мягкими оборками.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Фи, маменька, голубое! мнѣ совсѣмъ не нравится... И Ляпкина-Тяпкина ходить въ голубомъ, и дочь Землики тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

АННА АНДРЕЕВНА.

Цвѣтное!... Право, говоришь—лишь бы только на перекорь. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше

потому, что я хочу надѣть палевое... Я очень люблю палевое.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, вамъ неидетъ палевое!

АННА АНДРЕЕВНА.

Мнѣ палевое неидетъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Неидетъ; я что угодно даю неидетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

АННА АНДРЕЕВНА.

Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные. Какой вздоръ говорить! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, вы больше червоная дама.

АННА АНДРЕЕВНА.

Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червоной дамой! (Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной, и говоритъ за сценою). Этакое вдругъ вообразится! червоная дама! Богъ знаетъ что такое! (По уходѣ ихъ открываются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на голову.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

МИШКА И ОСИПЪ.

ОСИПЪ.

Куда тутъ?

МИШКА.

Сюда, дядюшка, сюда.

ОСИПЪ.

Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемышное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

МИШКА.

Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ Генераль?

ОСИПЪ.

Какой Генераль?

МИШКА.

Да баринъ вашъ?

ОСИПЪ.

Баринъ? да какой онъ Генераль?

МИШКА.

А развѣ не Генераль?

ОСИПЪ.

Генераль, да только съ другой стороны.

МИШКА.

Что жъ, это больше, или меньше настоящаго Генерала?

ОСИПЪ.

Больше.

МИШКА.

Вишь ты какъ! То-то у насъ сумятицу подняли.

ОСИПЪ.

Послушай, малой: ты я вижу проворный парень, приготовь-ка намъ что нибудь поѣсть.

МИШКА.

Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простова блюда вы не будете кушать. Вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустить.

ОСИПЪ.

Ну, а простова-то, что есть у васъ?...

МИШКА.

Щи, каша, да пироги.

ОСИПЪ.

Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего: все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемодамъ. Что, тамъ другой выходъ есть?

МИШКА.

Есть. (Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).

ЯВЛЕНІЕ V.

КВАРТАЛЬНЫЕ открываютъ обѣ половинки дверей. Входитъ **ХЛЕСТАКОВЪ**; за нимъ **ГОРОДНИЧІЙ**; далье **ПОПЕЧИТЕЛЬ** богоугодныхъ заведеній, **СМОТРИТЕЛЬ** училищъ, **ДОБЧИНСКІЙ** и **ВОБЧИНСКІЙ** съ пластыремъ на носу; **ГОРОДНИЧІЙ** указываетъ квартальнымъ на полу бумажку, которые бѣгутъ и снимаютъ ее, толкая другъ друга въ попыткахъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ пробѣгающимъ все въ городъ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

ГОРОДНИЧІЙ.

Въ другихъ городахъ, осмѣлось доложить вамъ, градоуправители и чиновники больше заботятся о своей то есть пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другаго помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Завтракъ тоже былъ очень не дурень. Что — у васъ каждый день бываетъ такой завтракъ, или по нѣкоторымъ днямъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нарочно для такого пріятнаго гостя.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Покорнѣйше благодарю! И я васъ пропущу, господа, если пріѣдете ко мнѣ въ деревню... Вина тоже были у васъ очень хороши; я никакъ не полагалъ, чтобы въ уздномъ городишкѣ могли быть онѣ. А это какая была рыба?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Лабарданъ-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, вкусная; я давно такой не ѣлъ. Гдѣ это мы завтракали? Кажется въ больницѣ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Помню, помню—тамъ стояли кровати. А больные вѣрно выздоровѣли? Тамъ ихъ было немного.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, можетъ быть вамъ покажется даже невѣроятнымъ, всѣ какъ мухи выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность здѣшняго градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наумнѣйшій человѣкъ пришель бы въ затрудненіе; но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій конечно радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но, вѣрите ли, что даже когда ложнись спать, все думаешь: Господи Боже Ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство

увидѣло мою ревность и было довольнымъ.... Наградить ли оно, или нѣтъ, конечно въ его волю, но крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало.... то чего жъ мнѣ больше? ей, ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, въ сторону.

Эка бездѣльникъ какъ расписываетъ! Даль же Богъ такой даръ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, я и самъ люблю этакъ иногда заумствоваться и пофилософствовать: такъ, знаете, иногда прозой, а иногда и стихишки выкинутся.

ВОВЧИНСКІЙ, Добчинскому.

Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ. Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите пожалуйста, нѣтъ ли у васъ тутъ такихъ обществъ, гдѣ бы можно было, на примѣръ, этакъ поиграть въ карты.

ГОРОДНИЧІЙ, въ сторону.

Эге! знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камеш-

ки бросаютъ! (Вслухъ). Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я карты и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно: и если случится увидѣть этакъ какого нибудь бубноваго короля, или что нибудь другое, то такое омерзѣніе нападетъ, что просто плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя. Богъ съ ними! какъ можно, чтобы такое драгоценное время убивать на нихъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ, съ стороны.

А у меня, подлець, выпонтировалъ вчера сто рублей.

ГОРОДНИЧІЙ

Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, вы напрасно говорите. Это все зависитъ отъ того, какъ кто играетъ. Конечно, если кто забастуетъ, тогда какъ нужно ему гнуть отъ трехъ угловъ.... Нѣтъ, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢЖЕ, АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

ГОРОДНИЧІЙ

Осмѣлось представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

ХЛЕСТАКОВЪ, раскланиваясь.

Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

АННА АНДРЕЕВНА.

Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

ХЛЕСТАКОВЪ, рисуясь.

Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Прошу покорно садиться.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Возлѣ васъ стоять уже есть счастье; впрочемъ, если вы такъ уже непременно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что наконецъ сижу возлѣ васъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Помилуйте! я никакъ не смѣю на свой счетъ.... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Чрезвычайно непріятна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтъ, пользоваться всеми удобствами, и вдругъ послѣ этого въ какой нибудь дорогѣ.... не встрѣтишься съ образованнымъ человекомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чемъ нибудь; станціонные смотрители чрезвычайные невѣжи и совершенно безъ воспитанія.... Если бѣ, признаюсь, не такой случай, какъ теперь, который меня вознаградилъ совершенно (*посматривая на Анну Андреевну*), то я со всѣмъ не нашелся бы.

АННА АНДРЕЕВНА.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

АННА АНДРЕЕВНА.

Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отъ чего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

АННА АНДРЕЕВНА.

Я живу въ деревнѣ....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, конечно; впрочемъ деревня тоже имѣетъ пріятности: ручейки, хижинки, зефиры!... Я, сударыня, служу въ Петербургѣ съ большою выгодною. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужь никакъ не больше Коллежскаго Ассесора, даже немножко меньше; но за то меня вся канцелярія знаетъ, и Начальникъ Отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударить по плечу: «приходи, братецъ, обѣдать». Правду сказать, я ужь за то и дѣлаю много. Вы, можетъ быть, думаете, что я принадлежу къ тѣмъ, которые только переписываютъ бумаги,—о пѣть, со всѣмъ пѣть! Я только приду и скажу: это вотъ такъ, это вотъ такъ, — а тамъ уже чиновникъ для письма сію минуту перомъ: тр... тр... такъ это все скоро. Мнѣ тамъ ужь и кресло стоитъ особенно, какъ будто столоначальнику,—право. И сторожъ летитъ еще на льстницѣ за мною со щеткою: «позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говорить, сапоги по-

чпшу.» (*Городничему*). Что вы, господа, стоите? пожалуста садитесь!

ГОРОДНИЧІЙ.

Чинъ такой, что еще можно постоять.

АРТЕМІЙ ФИЛАТОВИЧЪ.

Мы стоимъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Не извольте беспокоиться.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничій и всѣ садятся*). Да. Тамъ изъ нашихъ чиновниковъ никто такъ не одѣвается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару. И если этакъ куда иду, то всѣ говорятъ: «вонъ, говорятъ, Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ, когда я шелъ пышкомъ, меня приняли даже за Турецкаго посланника. Право; и удивительно то, что на мнѣ даже не было военной шинели. Всѣ солдаты выскочили изъ гаубтвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за Турецкаго посланника.»

АННА АНДРЕЕВНА.

Скажите какъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю; въ театрѣ... съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь. На сцену разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. У меня тоже объѣдаютъ нѣкоторые. Хорошенькая у меня очень квартирка; я плачу восемь сотъ рублей: три комнаты, на улицу окна.

АННА АНДРЕЕВНА.

Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю. Вы вѣрно и въ журналы помещаете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да и въ журналы помещаю. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женидьба Фигаро, Сумбека... Вотъ и Финелла тоже мое сочиненіе. И все это такъ по случаю: я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но Театральная Дирекція говоритъ: «пожалуста, братецъ, напиши что нибудь.» Думаю себѣ: пожалуй, изволь, братецъ! И тутъ же въ одинъ вечеръ написалъ. Да и въ журна-

лы помѣщаю сочиненія: въ Московскомъ Телеграфѣ и въ Библиотекѣ для чтенія. Вотъ эти всѣ статьи, что были тамъ Брамбеуса, это все мои.

АННА АНДРЕЕВНА.

Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да это все мои и другія разныя сочиненія. Мнѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ платитъ. Да если сказать по правдѣ, то всѣ журналы, какіе тамъ ни есть, это все я издаю.

АННА АНДРЕЕВНА.

Такъ вѣрно и Юрій Милославскій ваше сочиненіе.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, это мое сочиненіе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Я сей часъ догадалась.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька, тамъ написано, что это Г-на Загоскина сочиненіе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ, я и знала, что даже здѣсь будетъ спорить.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрій Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, это вѣрно я вашу читала. Какъ хорошо написано!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да мнѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно велѣлъ архитектору, чтобы далъ самый лучший видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О если бъ такую квартиру нанимать, то нужно по крайней мѣрѣ 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда.

АННА АНДРЕЕВНА.

Я думаю съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпнѣемъ даются балы?

ХЛЕСТАКОВЪ.

О! балы тамъ отличные! Подадутъ вамъ десертную тарелочку, такъ это просто объяденіе, или какойнибудь пирогъ, — самъ онъ горячъ такъ, что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ: тамъ у насъ и вистъ свой составился. Министръ, Французскій посланникъ, Англійскій, Нѣмецкій посланникъ и я. И какъ только иногда какънибудь замѣшкаюсь, то ужъ посланники и говорятъ: «да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? послать за Иваномъ Александровичемъ!» И какъ начнемъ играть — то просто я вамъ скажу, что ужъ ни начто не похоже. Такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лестницу въ четвертой этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ, и скажешь только: на, Маврушка! А подѣтъ такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь итти. «Оспишь, и не буди меня!» бывало говорю, «не пойду!» Впрочемъ я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы парочно заглянули, когда я проснусь. Въ передней у меня Графы и Гвнзля толкуются, и жужжать такъ какъ шмели, только слышно ж, ж, ж... Ну, нечего дѣ-

лать, нужно однако жъ вытти къ нимъ. И нельзя впрочемъ: иной разъ Министръ, не то чтобы всегда, а иногда забдетъ. (*Городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ*). Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: Ваше Превосходительство. А одинъ разъ даже управлялъ Департаментомъ,—право, и такъ это странно случилось: Директоръ по болѣзни уѣхалъ въ свою деревню, — всѣ думали: кому дать исправлять должность? Кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ Генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: нѣтъ, мудрено. Кажется и легко на видъ; а размотришь — нѣтъ, чортъ возьми, трудно; да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ: Иванъ Александровичъ, говорятъ, можетъ это сдѣлать. И въ ту же минуту по улицамъ вездѣ курьеры, курьеры... курьеровъ пятнадцать: «Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ, ступайте Департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказаться, но думаю себѣ, дойдетъ до Государя — неприятно; ну да и нехотѣлось испортить свой послужной списокъ. «Извольте, говорю, господа, я принимаю должность, только ужъ у меня прошу не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!... Ужъ у меня ухо остро держите!... Я ужъ... И точно быва-

ло, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся (*Городничій и прочіе трясутся отъ страха*). Я и въ Государственномъ Совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать Вице-Канцлеромъ. (*Зъваетъ во всю глотку*). О чемъ бишь я говорилъ.

ГОРОДНИЧІЙ, *подходя и тряслся вслѣдъ тѣломъ, сѣмилтъ выговорить.*

А ва ва ва... ва.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Что такое? вы что-то говорите?

ГОРОДНИЧІЙ.

А ва ва ва... ва.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Не разберу ничего.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ва ва ва... шество, Превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... вотъ и комната, и все, что нужно.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отдохнуть? Извольте, извольте, я готовъ. (*Встаетъ*). Прощайте, сударыня! Право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хоронъ. (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ Городничій*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, *кромя ХЛЕСТАКОВА И ГОРОДНИЧАГО.*

ВОВЧИНСКІЙ, *Добчинскому.*

Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важный человекъ. Я никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

ДОВЧИНСКІЙ.

Я думаю, что чуть ли не Генераль.

ВОВЧИНСКІЙ.

А я думаю, что Генераль ему и въ подметки не станеть! А когда Генераль, то ужъ развѣ

самъ Генералиссимусъ. И во дворець ъздить! Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, расскажем объ этомъ Аммосу Федоровичу и Коробкину. Они еще ничего объ этомъ не знаютъ. Прощайте Анна Андреевна!

ДОВЧИНСКИЙ.

Прощайте, кумушка.

АРТЕМИЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *Лука Лукичу*

Такой знатной человекъ; а мы даже и не въ мундирахъ! Съ такою молодостию, да такія должности отправляетъ. Ахъ, Боже мой! Когда бы въ самомъ дѣлѣ чего нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! (*Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какой пріятной!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ! милашка!

АННА АНДРЕЕВНА.

Но только какое тонкое обращеніе! Сей часъ можно увидѣть столичную штучку. Приемы и все это такое... ахъ, какъ хорошо! и страхъ люб.но такихъ молодыхъ людей!... Я просто безъ памяти!... Онъ однакожь меня очень понравилъ; я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька! онъ на меня глядѣлъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Пожалуста съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ, маменька, право.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить, нельзя да и полно. Гдѣ ему смотрѣть на тебя? и съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, маменька, все смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня; и потомъ, когда рассказывалъ, какъ игралъ въ

висть съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, можетъ быть, одинъ какой нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. А говорить себѣ: «дай ужъ посмотрю на нее.»

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢЖЕ И ГОРОДНИЧІЙ.

ГОРОДНИЧІЙ, *входитъ на цыпочкахъ.*

Чш... ш...

АННА АНДРЕЕВНА.

Что?

ГОРОДНИЧІЙ.

Примегъ отдохнуть. Боже васъ сохрани тутъ какъ нибудь шумѣть.—Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напалъ: еще такого важнаго чело-вѣка никогда не видывалъ. (*Задумывается*). Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ.... Такъ вѣот, право, чѣмъ больше думаешь.... Чортъ его

знаеть, незнаешь что и дѣлается въ головѣ!... Какъ будто стоимъ на какой нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

АННА АНДРЕЕВНА.

А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона чело-вѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну, ужъ вы — женщины. Все кончено, одно-го этого слова достаточно! Вамъ все: тралала. Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другаго словцо. Васъ высъкутъ да и только, а мужа и поминай какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ нибудь Добчинскимъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не беспокоиться. Мы кой что знаемъ такое... (*Посматриваетъ на дочь*).

ГОРОДНИЧІЙ, *одинъ.*

Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха! (*Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь*). Мишка, позови квартальныхъ Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ нибудь

за воротами. *(Посль небольшого молчанія)* Чудно все завелось теперь на свѣтъ: народъ все тоненькой, поджаристой такой, — никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожь, какъ онъ не скрывался, а наконецъ таки не выдержалъ и все рассказалъ. Видно что человекъ молодой.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ И ОСИПЪ. *Всѣ бѣгутъ къ нему на встрѣгу и киваютъ пальцами.*

АННА АНДРЕЕВНА.

Подойди сюда, любезный!

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш!... что? что? спить?

ОСИПЪ.

Нѣтъ еще, немножко потягивается.

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай, какъ тебя зовутъ?

ОСИПЪ.

Осипъ, сударыня.

ГОРОДНИЧІЙ, *женъ и дочери.*

Полно, полно вамъ! *(Осипу)* Ну, что, другъ, тебя накормили хорошо?

ОСИПЪ.

Накормили; покорнѣйше благодарю, хорошо накормили.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, что скажи: къ твоему барину слишкомъ, я думаю, много ѣздитъ Графовъ и Князей?

ОСИПЪ, *въ сторону.*

А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значить послѣ еще лучше накормятъ. *(Вслухъ).* Да, бываютъ и Графы.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькой!

АННА АНДРЕЕВНА.

А что, скажи пожалуйста Осипъ, какъ онъ...

ГОРОДНИЧІЙ.

Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну что, другъ?...

АННА АНДРЕЕВНА.

А чинъ какой на твоёмъ баринь?

ОСИПЪ.

Чинъ обыкновенно какой.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми распросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что другъ, какъ твой баринь... строгъ? любить этакъ раснекать, или нѣтъ?

ОСИПЪ.

Да, порядокъ любить. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

ГОРОДНИЧІЙ.

А мнѣ очень нравится твое лицо! Другъ, ты долженъ быть хорошій человекъ. Ну что...

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай, Осипъ, а какъ баринь твой тамъ, въ мундиръ ходитъ?...

ГОРОДНИЧІЙ.

Полно вамъ, право, трещетки какія. Здѣсь нужная вещь. Дѣло идетъ о жизни человека... (Къ Осипу). Ну, что, другъ, право мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогъ не мѣшаетъ, знаешь, чайку

выпить лишній стаканчикъ; оно теперъ холодно-ваго. Такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

ОСИПЪ, принималъ деньги.

А покорнѣйше благодарю, сударь. Дай Богъ вамъ всякаго здоровья; бѣдной человекъ, помогли ему.

ГОРОДНИЧІЙ.

Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что, другъ?...

АННА АНДРЕЕВНА.

Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?...

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Осипъ, душенька! какой миленькой носикъ у твоего барина!

ГОРОДНИЧІЙ.

Да постойте, дайте мнѣ!... (Къ Осипу). А что, другъ, скажи пожалуйста: на что больше баринь твой обращаетъ вниманіе, то есть, что ему въ дорогъ больше нравится?

ОСИПЪ.

Любить онъ по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любить, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобы было хорошее.

ГОРОДНИЧІЙ.

Хорошее?

ОСИПЪ.

Да, хорошее. — Вотъ ужъ на что я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотреть, чтобы и мнѣ было хорошо Ей Богу! бывало завдимъ куда нибудь: «что, Осипъ, хорошо тебя угостили?» Плохо, Ваше Высокоблагородіе! — «Э, говоритъ, это, Осипъ, не хорошій хозяинъ. Ты, говоритъ, напомни мнѣ какъ прѣду.» — А, думаю себѣ, (махнувъ рукою) Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой.

ГОРОДНИЧІЙ.

Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

ОСИПЪ.

За что жалуете, Ваше Высокоблагородіе? (Прячетъ деньги). Развѣ ужъ выпью за ваше здорье.

АННА АНДРЕЕВНА.

Приходи, Осипъ, ко мнѣ! тоже получишь.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! (Слы-

шень изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш! (Поднимается на цыпочки. Вся сцена въ полголоса). Боже васъ сохрани шумѣть! идите себѣ! полно ужъ вамъ...

АННА АНДРЕЕВНА.

Пойдемъ, Машенька! Я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоемъ только можно сказать.

ГОРОДНИЧІЙ.

О ужъ тамъ наговорятъ! я думаю поди только да послушай! и уши потомъ заткнешь. (Обращаясь къ Осипу). Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ, ДЕРЖИМОРДА И СВИСТУНОВЪ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш! экіе косопаные медвѣди стучать сапогами! такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто нибудь съ телеги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

ДЕРЖИМОРДА.

Былъ по приказанію...

ГОРОДНИЧІЙ.

Чш! (Закрываетъ ему ротъ). Экъ какъ каркнула, ворона! (Дразнитъ его). Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки такъ рычитъ. (Къ Осипу). Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ что нужно для барина. Все, что ни есть на дому, требуй. (Осипъ уходитъ). А вы стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого ни впускать въ домъ сторонняго, особенно кунцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то.... Только увидите, что идетъ кто нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человека, что хочетъ подать на меня просьбу, то вашей такъ прямо и толкайте! такъ его! хорошенько! (Показываетъ ногою). Слышите, чш ... чш.... (Уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными).

ДѢЙСТВІЕ IV.

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ГОРОДНИЧАГО.

ЯВЛЕНІЕ I.

*Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ, АММОСЪ ФЕДО-
РОВИЧЪ, АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ, ПОЧТМЕЙСТЕРЪ,
ЛУКА ЛУКИЧЪ, ДОВЧИНСКІЙ И ВОВЧИНСКІЙ, въ
полномъ нарядѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ въ
полголоса.*

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Скорѣе, скорѣе, господа, въ кружокъ, потому
что онъ сей часъ выдетъ. Вотъ такъ. *(Всѣ рав-
няются и образуютъ полукружіе).* Вы, Петръ
Ивановичъ, забѣжите съ этой стороны, а вы,
Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. *(Оби
Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ).*
Вотъ такъ; теперь совсѣмъ на военную ногу.
Оно, знаете, въ этакомъ видѣ слѣдуетъ предста-
виться. *(Осматриваетъ всѣхъ ихъ).* А вѣдь если
посмотрѣть нѣсколько издалека, такъ у насъ
есть точно что-то воинское. *(Слышны изъ ком-
наты Хлестакова откряхтыванія и плеванія.
Чиновники пугаются).*

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Да видно уже проснулся.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Утрудился.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

А вѣдь нечего сказать, вчера куды бойко развернулся. Какъ вы полагаете? Мнѣ кажется, что изъ всего того, что онъ говорилъ вчера, не все правда?

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Еще бы! подгулялъ, ну и прилгнулъ. Это не порокъ; это за всякимъ государственнымъ чело-вѣкомъ водится. Но вѣдь за то у него все взвѣшено. Вотъ онъ, положимъ, подгулялъ, но какъ подгулялъ, съ цѣлю подгулялъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

А хорошо, что мы вздумали состроить заку-ску: хлѣба соли отвѣдалъ, вредить уже не бу-детъ; да и самъ развернулся, и сказалъ то, чего бы вѣрно не сказалъ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

А мой советъ, господа, не закладывать руки въ карманъ. Ну что, какъ теперь, проснувшись, онъ повертитъ опять круто. Я, право, боюсь. Вѣдь Антошка нашъ старшій плутъ: онъ удо-

властвовалъ его вѣрно чѣмъ нибудь наединѣ, только не говорить.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

А что вы думаете, вѣдь это можетъ случить-ся.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Знаете, господа, что если бы ему... (Показыва-етъ жестомъ).

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Подсунуть?

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Да.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Опасно, чортъ возьми.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Да какъ же это сдѣлать?

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Да просто въ руку и концы въ воду.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Что вы, что вы? Раскричигся такъ, что и ногъ не унесешь. Развѣ вы не знаете государст-венныхъ людей? Скажетъ: что вы, кому вы, да какъ вы смѣете, хотите чтобъ я измѣнилъ Го-сударю? Нѣтъ, лучше пусть Богъ съ нимъ!

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Раскричится-то онъ, конечно, раскричится, а деньги все таки возьметъ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Нѣтъ, Аммосъ Ѳедоровичъ, это дѣло рискованное; а вотъ лучше въ видѣ какого нибудь приношенія, или пожертвованія на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя.... Да и то, чортъ возми, опасно!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Да не поступить ли просто вотъ какъ: что вотъ-моль пришли по почтѣ деньги, не извѣстно кому принадлежащія, а хозяина не отыскалось; такъ не его ли онъ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Та, та, та! дастъ онъ вамъ не извѣстно кому принадлежащія! Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ же не отправилъ куда нибудь подальше.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

А развѣ вотъ какъ: что умеръ-де въ нашемъ городѣ богатый купецъ, оставивши завѣщаніе, и по завѣщанію-та....

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Ну чтожъ по завѣщанію?

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Да ну вотъ здѣсь и запятая. Началь было хорошо, а конца не сведешь.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Запрегъ прямо, да повхаль криво. Нѣтъ, что толковать, эти дѣла не такъ дѣлаются. Ну за чѣмъ нашъ пришелъ эскадронъ? Это вы, Аммосъ Ѳедоровичъ, выдумали, представиться на военную ногу. Представиться нужно по одиначкѣ, да между четырехъ глазъ, итого.... какъ тамъ слѣдуетъ; да чтобы и уши не слышали. Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается!... А какъ одинъ прежде попробуетъ, такъ потомъ и другимъ будетъ извѣстно, какъ нужно поступать.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Вотъ это такъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Пожалуй, попробуемъ. Вотъ вы, такъ какъ въ нашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкушалъ хлѣба, такъ вы первые представитесь.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Почему же мнѣ? А я полагаю, что приличнѣе Ивану Кузмичу, такъ какъ почтмейстеру....

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Почему же мнѣ? Гораздо же болѣе это идетъ Аммосу Ѳедоровичу, какъ судья....

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Аммосу Федоровичу, Аммосу Федоровичу! Такъ всѣ на Аммоса Федоровича! Почему же не Лукъ Лукичу, какъ образователю юношества? Священнѣе уже нѣтъ этой должности.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Нѣтъ, господа, не могу. Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что заговорилъ только со мною ктонибудь однимъ чиномъ меня повыше, то у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, чувствую, какъ бы въ грязь завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте.

АРТЕМИЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поворачивай дѣло, а никому другому нельзя взяться за это, кромѣ васъ, Аммосъ Федоровичъ. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Что вы! что вы, Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сварѣ, да о какойнибудь гончей ищейкѣ...

ВСѢ, пристають къ нему.

Нѣтъ, вы и о столпотвореніи?... Нѣтъ, Аммосъ Федоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцемъ нашимъ!... Нѣтъ, Аммосъ Федоровичъ!...

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Отвяжитесь, господа! (Въ это время слышны шаги и откашливанія въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спышшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выдти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются въ полголоса восклицанія).

ГОЛОСЪ БОВЧИНСКАГО.

Ой, Петръ Ивановичъ! Петръ Ивановичъ! наступили на ногу.

ГОЛОСЪ ЗЕМЛЯНИКИ.

Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе: всѣмъ прижали! (Выхватываются нѣсколько восклицаній: ай! ай! наконецъ выпираются и комната остается пустою).

ЯВЛЕНІЕ II.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Роскошь

такая, даже испотеть. Мнѣ однако же вѣрно чего нибудь прекрѣпкаго подсунули вчера за завтракомъ, — шнапсъ что ли. — только до сихъ поръ еще въ головѣ какъ будто бы что-то стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Вотъ это люблю! это по моему! Я на счетъ этого странный человекъ; я не знаю какъ другіе, но мнѣ вообще правится такая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ только чтобы оказывали мнѣ вниманіе, чтобы я видѣлъ желаніе угождать; словомъ, чтобы все это было радушно, какъ говорится—отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень не дурна; да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, правится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Хлестаковъ и Судья.

Судья, входя и останавливаясь, про себя.

Боже, Боже, вынеси благополучно! такъ вотъ колышки и ломаетъ (*Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шагу*). Имѣю честь пред-

ставиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, Коллежскій Ассесоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ.

Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья.

Съ 800 былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ.

А выгодно однако же быть судьей?

Судья.

За три трехлѣтія представленъ къ Владимиру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства.

Хлестаковъ.

А—мнѣ правится Владимиръ. Вотъ Анна 5-й степени уже не такъ. Слишкомъ уже, знаете, обыкновенно: всѣ посятъ, и столоначальники.

Судья, въ сторону.

Выдумалъ, да Богъ знаетъ, удастся ли! Сердце, чортъ побери, такъ и колотится!... Придумалъ-то я выронить какъ нибудь на полъ какъ будто бы ненарокомъ, да и броситься поднимать ихъ. Да чортъ его знаетъ, какъ оно выдетъ. Ай! упа-

ли... Ну, батюшки!... (Роняетъ ассигнаціи на полъ,
и наклоняется поднять ихъ).

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что вы?... (Подвигаетъ нѣсколько стулъ
свой).

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, *въ сторону, почти
потерявшись.*

О Боже, вотъ уже и подъ судомъ! и тележку
подвезли схватить меня!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Что, вы уронили что-то?

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Упали какія-то ассигнаціи; я полагалъ, что не
съ вашего ли стола. (Въ сторону). Ну, все конечно,
пропалъ! пропалъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

А позвольте, я посмотрю, можетъ быть, точно
не мой ли. Мнѣ, признаюсь, по разсѣянности
случалось очень часто ронять деньги. А извощику
почти всякой разъ случается, по ошибкѣ, дать
вмѣсто четвертака золотой полуимперіаль.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Я полагаю тоже, что это ваши. (Въ сторону).
Ну, смѣлѣе, смѣлѣе!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Больше трехъ сотъ кажется рублей. Не знаю
право, можетъ быть, и мои. Никогда не знаю,
сколько у меня денегъ. А если на всякой слу-
чай нѣтъ, такъ все равно: вы мнѣ дайте ихъ
взаймы, а я вамъ потомъ пришло.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Помилуйте! такимъ принятіемъ можно просто
осчастливить человѣка.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, я вамъ изъ деревни на слѣдующей же
недѣль пришло.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, *вставилъ съ тѣмъ,
чтобы идти.*

За чѣмъ же? я подожду. Не извольте никакъ
безпокойтѣся. Если и въ другомъ чѣмъ... стоитъ
приказать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо. А вы уже уходите!...

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Не смѣю отнимать времени, опредѣленнаго на
священныя обязанности.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прощайте! Вѣдь мы съ вами увидимся?

АММОСЪ БЕДОРОВИЧЪ.

Готовъ явиться по первому приказанію. (*Въ сторону уходя*). Городъ нашъ!

ХЛЕСТАКОВЪ, *по уходы его.*

Судья хорошій человекъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХЛЕСТАКОВЪ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *входитъ вытлушившійся, въ мундиръ, придерживавъ шпагу.*

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Имью честь представиться: Почтмейстеръ Надворный Советникъ Шпекинъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, покорнѣе благодарю за то, что пожаловали. Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Въдъ вы здѣсь всегда живете?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно

не такъ многолюдно — ну чтожъ! Въдъ это не столица. Не правда ли, въдъ это не столица?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Совершенная правда.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Въдъ это только въ столицѣ бонъ-тошъ, и нѣтъ провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не правда ли?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ! (*Въ сторону*). А онъ однакожъ ни чуть не гордь: обо всемъ разсирашиваетъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А въдъ однакожъ, признайтесь, въдъ и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только радушіе, что-бы были только все хорошіе люди, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда-ли?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Совершенно справедливо.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Я таковъ. Можетъ быть, другимъ я покажусь въ этомъ отношеніи, ... но чтожь дѣлать, у меня ужь это характеръ. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы! *(Вслухъ)*. Какой странный однакожь со мною случай въ дорогѣ: совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать сколько нибудь денегъ займы?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Сколько прикажете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну да рублей какихъ нибудь двѣсти; а я вамъ завтра же пришлю изъ деревни.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Сей часъ. *(Шаритъ въ карманы и вынимаетъ ассигнаціи)*.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень благодаренъ; а я, признаюсь, знаете въ дорогѣ то и другое, а я никакъ не люблю отказывать себѣ ни въ чемъ; да и къ чему—не такъ-ли?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ. *(Встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу)*. Не смѣю болѣе беспокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо. *(По уходѣ почтмейстера, раскуриваетъ сигару)*. Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хорошій человекъ. По крайней мѣрѣ, услужливъ. Я, признаюсь, отчасти люблю такихъ людей, съ которыми можно объясняться прямо.

ЯВЛЕНІЕ V.

ХЛЕСТАКОВЪ И ЛУКА ЛУКИЧЪ, который почти выталкивается изъ дверей. *(Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: чего робѣешь?)*

ЛУКА ЛУКИЧЪ, вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу.

Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, Титулярный Совѣтникъ Хлоповъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А! милости просимъ! Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подаетъ ему сигарку).*

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Братъ или небратъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, нето что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ—по 25 рублей сотенка,—такъ просто ручки потомъ себѣ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подноситъ ему свѣчу).*

ЛУКА ЛУКИЧЪ, *пробуетъ закурить и весь дрожитъ.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да не съ этого конца.

ЛУКА ЛУКИЧЪ, *отъ испуга выронилъ сигару, и махнулъ рукою про себѣ.*

Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще на счетъ женскаго полу никакъ не могу быть равнодушнымъ. Какъ вы?... какія вамъ больше нравятся: брѳнетки или блондинки?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, *находится въ совершенномъ недоумѣнн, что сказать.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, скажите откровенно, брѳнетки или блондинки?

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Не смѣю знать.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь. Мнѣ хочется непременно узнать вашъ вкусъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Осмѣливаюсь доложить.... *(Въ сторону).* И самъ не знаю, что говорю: въ головѣ все пошло кругомъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А-а-а, не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая нибудь брѳнетка съѣла вамъ маленькую за-гвоздочку. Признайтесь, съѣлама?

ЛУКА ЛУКИЧЪ, *молчитъ.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, о! покраснѣли! Видите, видите!... Отъ чегожъ вы не говорите?

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Оробьль, Ваше Бла... Преос... Свят... (Въ сторону). Продаль, проклятый, языкъ, продаль!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Оробьли?... А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что внушаетъ робость, — магнетическое, не правда ли?... Рѣдкая женщина выдержитъ даже, если я посмотрю. Не такъ ли?

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите, пожалуйста... со мной престранный случай: въ дорогъ совсѣмъ издержался,.... не можете ли вы мнѣ дать сколько нибудь денегъ взаймы?... Я вамъ завтра же отдамъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ, хватается за карманъ про себя.

Вотъ-те штука, если нѣтъ! Есть, есть! (Вынимаетъ, и подаетъ, дрожа, ассигнаци).

ХЛЕСТАКОВЪ.

Покорнѣе благодарю!

ЛУКА ЛУКИЧЪ, вытгивался и придержививая шпагу.

Не смѣю болѣе беспокоить присутствіемъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прошайте!

ЛУКА ЛУКИЧЪ, летитъ вонъ почти бѣгомъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХЛЕСТАКОВЪ И АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, вытгивающись и придержививая шпагу.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Имѣю честь представиться: попечитель Богоугодныхъ заведеній Надворный Совѣтникъ Земляника.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Здравствуйте, прошу покорно садиться.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію Богоугодныхъ заведеніяхъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Радъ стараться на службу отечеству.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я, признаюсь, это моя слабость, но люблю хорошую кухню. Скажите пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Очень можетъ быть. *(Помолчавъ)*. Могу сказать, что не жалую ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ въ полголоса)*. Вотъ здѣшній Почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: все дѣла въ большомъ запущеніи, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что былъ предъ мной приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, — если признаться предъ вами, — конечно для пользы отечества я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель, — поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ ужь, и сидитъ у жены его. Я присягнуть готовъ... и

нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго; но все, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Вотъ и смотритель здѣшняго училища. Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность. Онъ хуже чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? Я все забываю.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Земляника.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да, Земляника. И чтожь, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Какъ же-съ, пятеро; двое уже взрослыкъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите, какое счастье! А какъ по имени?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Николай, Иванъ, Елисавета, Марья и Перепетуя.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Это хорошо.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Не смѣя беспокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь....

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прощайте! Покорнѣйше благодарю васъ за пріятную бесѣду. Сдѣлайте милость, навѣщайте.... Въ другое время тоже когда нибудь. *(Возвращается и отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему).* Эй вы! какъ васъ? я все позабываю, какъ ваше имя и отечество.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Артемій Филипповичъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, посмотрите, нѣтъ ли здѣсь при васъ мнѣ въ займы рублей триста на самое короткое время.... Въ дорогъ совсѣмъ издержался.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Есть.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Скажите, какъ кстати. Я именно только что думалъ о томъ, что не худо.... Прощайте! Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ХЛЕСТАКОВЪ, БОВЧИНСКІЙ И ДОБЧИНСКІЙ.

БОВЧИНСКІЙ.

Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

ДОБЧИНСКІЙ.

Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да я ужъ васъ видѣлъ. Вы, кажется, тогда упали. Что, какъ вашъ носъ?

ДОБЧИНСКІЙ.

Слава Богу! Не извольте беспокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, что присохъ. Я радъ... *(Вдругъ и отрывисто)* Денегъ нѣтъ у васъ?

ВОВЧИНСКІЙ.

Денегъ? какъ денегъ?

ХЛЕСТАКОВЪ, *грошко и скоро.*

Въ займы рублей тысячу.

ВОВЧИНСКІЙ.

Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

ДОВЧИНСКІЙ.

При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ Приказъ общественаго призрѣнія.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, ну если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

ВОВЧИНСКІЙ, *шаря въ карманахъ.*

У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

ВОВЧИНСКІЙ.

Да вы поищите-ка получше, Петръ Ивановичъ. У васъ тамъ, я знаю, въ карманъ-то съ правой стороны прорѣха: такъ въ прорѣху-то, какъ нибудь запали.

ДОВЧИНСКІЙ.

Нѣтъ, право и въ прорѣхѣ нѣтъ, окромѣ мелочи серебромъ, Петръ Ивановичъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну все равно, все равно: нѣтъ ста, я возьму шестдесятъ пять. Вѣдь это всего на три дни, а тамъ я вамъ ихъ возвращу. *(Принимаетъ деньги).*

ДОВЧИНСКІЙ.

Я осмѣливаюсь попросить васъ, относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что это?

ДОВЧИНСКІЙ.

Дѣло очень тонкаго свойства: старшій сынъ рожденъ мною еще до брака.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да?

ДОВЧИНСКІЙ.

То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракъ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными узамъ супружества. Такъ я хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ законнымъ моимъ сыномъ, и назывался бы такъ, какъ я, Добчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, пусть называется; это можно.

ДОВЧИНСКИЙ.

Я бы и не беспокоилъ васъ, да жаль очень: такой мальчишка... большія надежды подаетъ: наизусть стихи разные расскажетъ, и этакъ, если гдѣ попадетъ ножикъ, то сей часъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ лучшій фокусникъ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

ВОВЧИНСКИЙ.

Да, большія способности имѣеть.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо, я объ этомъ постараюсь, я буду говорить... и вы надѣйтесь, что все будетъ сдѣлано; я скажу Министру... (Обращаясь къ Бобчинскому). Неимѣете ли и вы чегонибудь сказать мнѣ?

ВОВЧИНСКИЙ.

Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что, о чемъ?

ВОВЧИНСКИЙ.

Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ

разнымъ: Сенаторамъ и Адмираламъ, что вотъ, Ваше Сіятельство, или Превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите, что живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень хорошо.

ВОВЧИНСКИЙ.

Да если этакъ и Государю придется, то скажите и Государю, что вотъ-моль, Ваше Императорское Величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень хорошо.

ДОВЧИНСКИЙ.

Извините, что такъ утрудилъ васъ своимъ присутствіемъ.

ВОВЧИНСКИЙ.

Извините, что такъ утрудилъ васъ своимъ присутствіемъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ничего, ничего. Мнѣ очень пріятно... (Выпро-
вожаетъ ихъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ.

Здѣсь однакожь много чиновниковъ. Теперь, какъ начинаю я хорошенько разсматривать, они вѣрно полагаютъ, что я въ большемъ ходу въ Петербургъ. Моя физіономія, какъ я замѣтилъ, сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе... Да и въ самомъ дѣлѣ, я точно могъ показаться имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, въ родѣ грань-жанъ. Для провинціального какого-нибудь жителя вдругъ увидѣть пріѣхавшаго изъ столицы, съ другимъ образованіемъ и въ столичномъ костюмѣ, въ этомъ есть такъ что-то околдовывающее. Дурачье впрочемъ должно быть ужасное!... Въ головѣ я чай только посвистываетъ. А посмотримъ сколько у меня денегъ. (Считаетъ ассигнаціи) Сто, двѣсти... какая замасленная!... пятьсотъ, семьсотъ!... ого! перевалило за тысячу!... тысяча сто, тысяча двѣсти... да кушакъ не дурень. А ну-ко пѣхотный капитанъ! а попадиська ты мнѣ теперь. Я бы ужъ тебѣ даль знать!... Это однакожь благородная черта съ ихъ стороны, что они мнѣ дали денегъ займы. Что ни говори, это похвально! Право, обо всемъ этомъ стоитъ написать въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ тамъ

сочиняетъ разныя статейки: пусть-ка между прочимъ онъ ихъ обрѣтетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ (Осипъ взглянулъ въ дверь, сказавши: сей часъ). Нельзя отнять отъ Тряпичкина... (пишетъ)... вѣдь подлець!... у! какой подлець!... и надуть, такъ надуетъ, что только держись!... Но остроуміе необыкновенное — ужъ такая шпилька: отца роднаго не пожалѣетъ. И деньгу такъ любить.

ЯВЛЕНИЕ IX.

ХЛЕСТАКОВЪ И ОСИПЪ, съ чернилами и бумагой.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? (Начинаетъ писать).

ОСИПЪ.

Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

А что?

ОСИПЪ.

Уѣзжайте отсюда. Ей Богу уже пора!

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Вотъ вздоръ! За чѣмъ?

ОСИПЪ.

Да такъ. Богъ съ ними со всеми Погуляли здѣсь два денька, ну — и довольно. Что съ ними долго связываться! Плюньте на нихъ! Перо-вень часъ: какойнибудь другой найдетъ. Ей Богу, Иванъ Александровичъ!... А лошади тутъ славыя: такъ бы закатили!...

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Нѣтъ. Мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

ОСИПЪ.

Да что завтра! Ей Богу поѣдемъ, Иванъ Александровичъ. Оно хоть и большая тутъ честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе... Вѣдь васъ, право, за кого-то другаго приняли; и батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшались.... Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй вмѣстѣ и подорожную возьми. Да за то, смотри, чтобы лошади хорошия были. Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому; чтобы такъ какъ фельдгегеря катили! и

письни бы пѣли!... (Продолжаетъ писать). Воображаю, что скажетъ Тряпичкинъ: онъ вѣдь такой остроумный!...

ОСИПЪ.

Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

ХЛЕСТАКОВЪ, пишетъ.

Хорошо. Принеси только свѣчу.

ОСИПЪ, выходитъ и говоритъ за сценой.

Эй, послушай, братъ! отнесешь письмо на почту, и скажи Почтмейстеру, чтобы онъ принялъ безъ денегъ; да скажи, чтобы сей часъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ. Прогонь-моль, скажи, казенной. Да чтобы все живѣе, а не то-моль баринъ сердится. Стой! еще письмо неготово.

ХЛЕСТАКОВЪ, продолжаетъ писать.

Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ — въ Почтамской, или Гороховой. Онъ вѣдь тоже любить часто перезжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую, въ Почтамскую. (Свертываетъ и подписываетъ).

ОСИПЪ, *принеситъ свѣту.*

(Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды): Куда лезешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не вѣлно впускать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *даетъ Осипу письмо.*

На, отнеси.

ГОЛОСА КУПЦОВЪ.

Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за дѣломъ пришли.

ГОЛОСЪ ДЕРЖИМОРДЫ.

Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, снитъ. (Шумъ увеличивается).

ХЛЕСТАКОВЪ.

Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что за шумъ.

ОСИПЪ, *глядя въ окно.*

Купцы какіе-то хотятъ войти, да недопускаетъ квартальной. Машутъ бумагами, вѣрно васъ хотятъ видѣть.

ХЛЕСТАКОВЪ, *подходитъ къ окну.*

А что вы, любезные?

ГОЛОСА КУПЦОВЪ.

Къ твоей милости прибгаемъ. Прикажи, государь, просьбу принять.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. (Осипъ уходитъ).

ХЛЕСТАКОВЪ, *принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ.*

«Его Высокоблагородному Свѣлости Господину Финансову отъ купца Абдулина»... Чортъ знаетъ что: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

ХЛЕСТАКОВЪ И КУПЦЫ *съ кузовомъ вина и сахарными головками.*

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что вы, любезные?

КУПЦЫ.

Челомъ бьемъ вашей милости.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что вамъ угодно?

КУПЦЫ.

Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ по напрасну.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отъ кого?

ОДИНЪ ИЗЪ КУПЦЕВЪ.

Да все отъ Городничаго здѣшняго. Такого Городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полезай. Такъ поступаетъ, что рассказать страшно. Схватить за бороду, говорить: «ахъ ты Татаринь!» Ей Богу! если бы, то есть, чѣмъ нибудь не уважали его; а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: каждый подарить на пару платья, это дѣло ужъ извѣстное, супружницъ его и дочкѣ — мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего этого мало. Ей-ей! придетъ въ лавку, и что ни попадетъ, все беретъ; сукна увидитъ штуку, говорить: «э, милой, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ.» Нечего дѣлать, и несешь; а въ штукъ-то будетъ безъ-мала аршинъ пятьдесятъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

КУПЦЫ.

Ей Богу! такого никто не запомнить Городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ, говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянъ беретъ:

черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что у меня сидѣлецъ не будетъ ѣсть, а онъ цѣлую горсть туда запускитъ. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ кажись чего ему больше? всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается. Нѣтъ, ему еще подавай: говорить и на Онуфрїя его именины. Что дѣлать? и на Онуфрїя несешь подарки.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да это просто разбойникъ.

КУПЦЫ.

Ей, ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. Позоветь къ себѣ, да и двери велитъ запереть. Я тебя, говорить, не буду, говорить, подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать — это, говорить, запрещено закономъ; а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ахъ, какой мошенникъ! Да за это его просто въ Сибирь.

КУПЦЫ.

Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью. Кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, вы этого не думайте: я не беру совсѣмъ ни какихъ взятокъ. Вотъ, если бы вы, на примѣръ, предложили мнѣ въ займы рублей триста, ну тогда совсѣмъ дѣло другое: въ займы я могу взять.

КУПЦЫ.

Изволь, отецъ нашъ. (*Вынимаютъ деньги*). Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Извольте — въ займы я ни слова: я возьму.

КУПЦЫ, *подносятъ ему на серебряномъ подносе деньги.*

Ужъ пожалуста и подносики вмѣстѣ возьмите.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну, и подносики можно.

КУПЦЫ, *кланяясь.*

Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, нѣтъ: я взятку ни какихъ....

ОСИПЪ.

Ваше Высокоблагородіе! за чѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогъ все пригодится. Давай сюда

головы и кулекъ! подавай все! все пойдетъ въ прокъ. Что тамъ? веревочка? давай и веревочку! и веревочка въ дорогъ пригодится: тележка обломается, или что другое, подвязать можно.

КУПЦЫ.

Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, Ваше Сіятельство. Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ какъ и быть: просто хотъ въ петлю полезай.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Непремѣнно, непремѣнно. Я постараюсь. (*Купцы съ поклонами уходятъ*).

(Слышенъ голосъ женщины).

Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Кто тамъ? (*Подходитъ къ окну*). А, что ты, матушка?

ГОЛОСЪ СЛЕСАРШИ.

Милости твоей, отецъ мой, прошу! Повели, государь выслушать.

ХЛЕСТАКОВЪ, *въ окно.*

Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ХЛЕСТАКОВЪ И СЛЕСАРША.

СЛЕСАРША, *клянясь въ ноги.*

Милости прошу твоей, государь!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что ты за женщина?

СЛЕСАРША.

Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Чего тебѣ нужно?

СЛЕСАРША.

Милости прошу: на Городничаго челомъ бую! Пошли ему Богъ всякое зло, чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его, ни въ чемъ ни какого прибытку не было.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А что?

СЛЕСАРША.

Да мужу - то моему приказаль забрить лобъ

въ солдаты; и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой, да и по закону нельзя: онъ женатый.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

СЛЕСАРША.

Сдѣлалъ, мошенникъ, сдѣлалъ: побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтъ! чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ, если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ, или поперхнулся на вѣки, мошенникъ такой. Слѣдовало взять сына порганаго, — онъ же и пьянюшка былъ, — да родители богатой подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругъ полотна три штуки; такъ онъ ко мнѣ. На что, говорить, тебѣ мужъ; онъ ужъ тебѣ не годится. Да я то знаю: годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! Онъ, говорить, воръ: хоть онъ теперь и не украсть, да все равно, говорить, онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующий годъ возьмутъ въ рекруты. Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабой человекъ, подлець ты такой! чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго, и если есть теща, то чтобъ и тещѣ...

*

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо, матушка. Ступай, ступай! я ему это все... Ступай съ Богомъ. (*Выпровождаетъ старуху*).

СЛЕСАРИЦА, *уходл.*

Не позабудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Хорошо, хорошо (*Въ окно высовываются руки съ просьбами*). Да кто тамъ еще? (*Подходитъ къ окну*). Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (*Отходя*). Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ.

ОСИПЪ, *кричитъ въ окно.*

Пошли, пошли! не время! завтра приходите! (*Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели съ небритою бородою, раздутою губою и перевязаною щекою. За нимъ въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ.*)

ОСИПЪ.

Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? (*Упирается ему руками въ брюхо, и выпирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ХЛЕСТАКОВЪ И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отъ чего вы такъ испугались сударыня?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ, я не испугалась.

ХЛЕСТАКОВЪ, *рисуется.*

Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого чловѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ, куда вы намерены были итти?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, я ни куда не шла.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отъ чего же, напримѣръ, вы ни куда не шли?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я думала, не здѣсь ли маменька...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отъ чего вы ни куда не шли?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я вамъ помѣшала. Вы закопались важными дѣлами.

ХЛЕСТАКОВЪ, рисуется.

А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, — ни какимъ образомъ не можете; напротивъ того вы можете принести удовольствіе.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы говорите по столичному.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Для такой прекрасной особы, какъ вы. Сдѣлайте милость, садитесь! Я никакъ не могу видѣть, чтобъ вы стояли. Вамъ должно не стуль, а тронъ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, я не знаю.... мнѣ такъ нужно. (Съѣла).

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какой у васъ прекрасный платочекъ!

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобъ обнимать вашу лилейную шейку.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы все говорите... — Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіенибудь стишки въ альбомъ. Вы вѣрно ихъ знаете много?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Какіенибудь этакіе... хорошіе, новыя.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да что стихи! я много ихъ знаю.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ну скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да къ чему же говорить? Я и такъ ихъ знаю.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я очень люблю ихъ...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: «О ты, что въ горести напрасно на Бога ропщешь человекъ...» Ну и другіе... Теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда.... (Придвигая стулъ).

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь. (Отодвигаетъ стулъ).

ХЛЕСТАКОВЪ, *придвигая стулъ.*

Отъ чего жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *отодвигаясь.*

Для чего жъ близко? Все равно и далеко.

ХЛЕСТАКОВЪ, *придвигая.*

Отъ чегожъ далеко? Все равно и близко.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *отодвигаетъ сѣ.*

Да къ чему жъ это?

ХЛЕСТАКОВЪ, *придвигаясь.*

Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко, а вы вообразите себѣ, что далеко. — Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, еслибъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *смотритъ въ окно.*

Что это тамъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока, или какая другая птица?

ХЛЕСТАКОВЪ, *цѣлуетъ ее въ плечо, и смотритъ въ окно.*

Это сорока.

МАРЬЯ АНТОНОВНА, *встаетъ въ неговадонии.*

Пѣтъ, это ужъ слишкомъ..., Наглость такая!...

ХЛЕСТАКОВЪ, *удерживая ее.*

Простите, сударыня! я это сдѣлалъ отъ любви, — точно отъ любви.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Вы почитаете меня за такую провинціалку... (силится уйти).

ХЛЕСТАКОВЪ, *продолжая удерживать ее.*

Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только пошутилъ, Марья Антоновна, не сердитесь! Я го-

товъ на колыкахъ у васъ просить прощенія.
(*Падаетъ на колѣни*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢЖЕ И АННА АНДРЕЕВНА.

АННА АНДРЕЕВНА, *увидѣвъ Хлестакова, не успѣшаго встать на ноги и всплеснуть руками.*

Ахъ, какой пассажъ!

ХЛЕСТАКОВЪ, *вставая.*

А, чортъ возьми!

АННА АНДРЕЕВНА.

Признаюсь, я въ такомъ нахожусь.... я не знаю.... (*Къ Марью Антоновну*). Что это ты вздумала? Съ кого ты это примѣръ взяла?

ХЛЕСТАКОВЪ, *вдругъ бросается на колѣни.*

Анна Андреевна!—влюбленъ! влюбленъ! Прошу руки Марьи Антоновны.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой!... какъ же это!... Право, такъ скоро, да еще.... и на колыкахъ стоите!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Руки, руки прошу! Если не согласитесь, умру, сей часъ же умру, на этомъ самомъ мѣстѣ. Застрѣлюсь,—на пропалую застрѣлюсь!...

АННА АНДРЕЕВНА.

Я, право, не могу еще притти въ себя.... Мы никакъ и не смѣемъ думать о такой чести. Вамъ нужна, по крайней мѣрѣ, Графиня, или Княгиня.

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на Графинь. Если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится;—какъ честный человекъ увѣряю. Я рѣшительный человекъ: мнѣ жизнь копейка.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой! какъ вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще такимъ страшнымъ образомъ! Встаньте.... я согласна, только встаньте.

ХЛЕСТАКОВЪ, *вставая.*

Теперь я самый.... (*Въ сторону*). А она тоже очень аппетитна! (*Вслухъ Аннѣ Андреевнѣ, подбѣраясь къ ней*): Какъ я счастливъ, что могу наконецъ....

ЯВЛЕНИЕ XLV.

ТѢЖЕ И ГОРОДНИЧІЙ, въ полыхахъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ваше Превосходительство! не погубите! не погубите!

ХЛЕСТАКОВЪ.

Что съ вами?

ГОРОДНИЧІЙ.

Тамъ купцы жаловались Вашему Превосходительству... Честью уверяю, и на половину нѣтъ того, что они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Слесарша нагала вамъ, что будто бы я забрѣлъ лобъ ея мужу. Право не брѣлъ, какъ честный человекъ, не брѣлъ: она сама забрѣла.

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, объ этомъ не беспокойтесь, я имъ не вѣрю.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не вѣрьте, не вѣрьте! Это такіе лгуны... имъ вотъ такой ребенокъ не повѣрять. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А на счетъ мошенничества, то осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производитъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

О, да, бездѣльники; я это сей часъ увидѣлъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

ГОРОДНИЧІЙ.

Куда! куда!... Ряхнулась матушка!... Не извольте гнѣваться, Ваше Превосходительство: она немного съ придурью; такова же была и мать ея.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ. Я точно прошу руки. Я очень влюбленъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не могу вѣрить, Ваше Превосходительство.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да когда говорятъ тебѣ?...

ХЛЕСТАКОВЪ.

Я не шутя вамъ говорю... Если вы не согласитесь, то сдѣлаете меня несчастнымъ человекомъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не смѣю вѣрить; не достоинъ такой чести.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Сдѣлайте милость, не приводите меня въ отчаяніе. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, признаюсь, на чортъ знаетъ что готовъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не могу вѣрить: извольте шутить, Ваше Превосходительство.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну когда тебѣ толкують....

ГОРОДНИЧІЙ.

Не могу вѣрить.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Отдайте руку вашей дочери, я говорю въ послѣдній разъ. А не то — я отчаянный человекъ, я рѣшусь на все. Когда застрѣлюсь, то васъ подь судъ отдадутъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Ахъ, Боже мой! Я ей-ей не виноватъ ни душою, ни тѣломъ. Не извольте гнѣваться! извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ голову теперь... я и самъ не знаю что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ну, благословляй!

ХЛЕСТАКОВЪ, *подходитъ съ Марьей Антоновной.*

ГОРОДНИЧІЙ.

Да благословить Богъ, а я не виноватъ.

ХЛЕСТАКОВЪ, *цѣлуется съ Марьей Антоновной.*

ГОРОДНИЧІЙ, *смотритъ на нихъ.*

Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза).* Да, да, цѣлуются — точно цѣлуются. Какъ будто бы точно женихъ! Эхе! какое счастье привалило. Вотъ тебѣ на!

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢЖЕ И ОСИПЪ.

ОСИПЪ.

Лошади готовы.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, хорошо... я сей часъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Изволите ѣхать?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, ѣду.

ГОРОДНИЧІЙ.

А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть на счетъ, кажется, свадьбы.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да, я ѣду только на одинъ день къ дядѣ моему. Гуть онъ недалеко живетъ, — богатый человекъ; завтра я буду назадъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

ХЛЕСТАКОВЪ.

О! я человекъ аккуратный. Прощайте, Марья Антоновна, нѣжнѣйшій предметъ моей страсти! Грустно и на малое время разставаться съ вами! Прощайте, душенька! *(Цѣлуетъ ея ручку).*

ГОРОДНИЧІЙ.

Да не нужно ли вамъ въ дорогу чегонибудь? Вы изволили, кажется нуждаться, въ деньгахъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

О нѣтъ, къ чему это. *(Немного подумавъ).* А впрочемъ не худо.

ГОРОДНИЧІЙ.

Сколько угодно вамъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну это пустяки... скольконибудь. А вотъ тогда, кажется, дали вы мнѣ двѣсти, то есть, оно не двѣсти, а по настоящему четыреста: я не хочу воспользоваться вашею ошибкою, — такъ пожалуй и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемь сотъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Вотъ я сію минуту. *(Вынимаетъ изъ бумажника).* Еще какъ нарочно самыми новенькими бумажками.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, да, *(беретъ и разматриваетъ ассигнаціи),* это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками.

ГОРОДНИЧІЙ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну такъ прощайте, Антонъ Антоновичъ! Вы меня очень обязали вашимъ гостепріимствомъ, я вамъ много благодаренъ. Я по истинѣ признаюсь вамъ, — не думайте, чтобы это было комплиментъ, — мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго при-

ема. Прощайте, Анна Андреевна! .. Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!... Не замьшкаюсь, можетъ быть завтра же и назадъ. *(Выходятъ)*.

За сценой.

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Прощайте ангель души моей, Марья Антоновна!

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Какъ же это вы? Прямо такъ на перекладной и ѣдете?

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Да я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болить отъ рессоръ.

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Тпр...

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ нибудь застлать, — хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Нѣтъ зачѣмъ? это пустое... а впрочемъ, пожалуй, пусть дають коврикъ.

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Эй, Авдотья! ступай въ кладовую: вынь коверъ

самый лучший, что по голубому полю, Персидской, — скорѣй!

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Тпр...

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Завтра, или послѣ завтра непременно.

ГОЛОСЪ ОСИПА.

А, это коверъ? Давай его сюда, клади вотъ такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Тпр...

ГОЛОСЪ ОСИПА.

Вотъ съ этой стороны!... сюда! еще!... хорошо. Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по коврѣ)*. Теперь садитесь, Ваше Благородіе!

ГОЛОСЪ ХЛЕСТАКОВА.

Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО.

Прощайте, Ваше Превосходительство!

ЖЕНСКІЕ ГОЛОСА.

Прощайте, Иванъ Александровичъ!

ГОЛОСЪ ЭЛЕСТАКОВА.

Прощайте, маменька!

ГОЛОСЪ ЯМЩИКА.

Эй, вы, заметныя! (Колокольчикъ звѣнитъ.
Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ V.

ТАЖЕ КОМНАТА.

ЯВЛЕНИЕ I.

ГОРОДНИЧІЙ, АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВА.

ГОРОДНИЧІЙ.

Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что
нибудь объ этомъ?... Экой богатой призь, каналь-
ство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ
не видѣлось... Просто, изъ какойнибудь Город-
ничихи и вдругъ... Фу ты канальство!... съ ка-
кимъ дьяволомъ породилась!

АННА АНДРЕЕВНА.

Со всѣмъ нѣтъ: я давно это знала. Это тебѣ
въ диковинку, потому что ты простой человекъ;
никогда не видѣла порядочныхъ людей.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я самъ, матушка, порядочный человекъ. Какія мы съ тобою теперь птицы съдѣлались! а, Анна Андреевна? Высокаго полета, чортъ побори! Теперь же я задамъ перцу всемъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы. Эй, кто тамъ? (*Входитъ Квартальной*). А, это ты Иванъ Карповичъ. Призови-ко сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятой Иудейской народъ!... Постоитежь, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всемъ, чтобъ знали: что вотъ — дискать какую честь Богъ послалъ Городничему, что выдаетъ дочь свою, не то чтобы за какого нибудь простаго человека, а за такого чиновника, что и на свѣтъ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городъ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочеть. Всемъ объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужь когда торжество, такъ торжество. (*Квартальной уходитъ*). Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить?... Здѣсь или въ Питеръ?

АННА АНДРЕЕВНА.

Натурально въ Петербургъ. Какъ можно здѣсь оставаться!

ГОРОДНИЧІЙ.

Ну въ Питеръ, такъ въ Питеръ: а оно хорошо бы и здѣсь. Что, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту—а, Анна Андреевна?

АННА АНДРЕЕВНА.

Натурально, что за городничество!

ГОРОДНИЧІЙ.

Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большою чинъ зашибить, потому что онъ запанибрата со всеми Министрами, и во дворецъ въздитъ; — такъ по этому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ Генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна — можно влѣзть въ Генералы?

АННА АНДРЕЕВНА.

Еще бы! конечно можно.

ГОРОДНИЧІЙ.

А, чортъ возьми, славно быть Генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо... А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна? красную, или голубую?

АННА АНДРЕЕВНА.

Ужъ конечно голубую лучше.

ГОРОДНИЧІЙ.

Э! вишь чего захотѣла!... Хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть Генераломъ? Потому, что случится поблещь куда нибудь — Фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! И тамъ на станціяхъ ни кому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти Титулярные, Капитаны, Городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: объдаешь гдѣ нибудь у Губернатора, а тамъ — стой Городничій! Хе, хе, хе! *(заливается и помираетъ со смѣху)* вотъ что, канальство, заманчиво!

АННА АНДРЕЕВНА.

Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой нибудь судья собачникъ, съ которымъ ты вѣдишь травить зайцевъ, или Земленика; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: Графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

ГОРОДНИЧІЙ.

Чтожъ? вѣдь слово не вредитъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да хорошо, когда ты былъ Городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатахъ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ)*. Ахъ! какъ хорошо!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И КУПЦЫ.

ГОРОДНИЧІЙ.

А! здорово, соколики!

КУШЦЫ, *кланяясь.*

Здравія желаемъ, батюшка!

ГОРОДНИЧІЙ.

Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники проклятые, жаловаться! жаловаться, протоканали! жаловаться, архибестіи! жаловаться, разсусленныя бороды! Что? много взяли!... Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!... Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

АННА АНДРЕЕВНА.

Ахъ, Боже мой, какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

ГОРОДНИЧІЙ, *съ неудовольствіемъ.*

А, не до словъ теперь!... Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери?... Что? а? что теперь скажете? Теперь я васъ всѣхъ скручу, такъ что ни одного волоска не останется въ вашихъ бородахъ... Мошенники! Вы только обманываете народъ, мошенники! Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилаго сукна, да потомъ пожертвуешь, каналья, двадцать аршинъ... если бъ знали, такъ бы тебѣ петлю навѣсили!... Брюхо суетъ впередъ, -- и

онъ купецъ; его не тронь. Мы, говорить, и дворянамъ не уступимъ. Да, дворянинъ... ахъ, ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и съкутъ въ школь, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?... Ты начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то, что не умѣешь обманывать. Ты мальчишка еще, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а тамъ, какъ разопреть тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничаль!... Фу ты какая!... Отъ того, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ отъ того и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

КУШЦЫ, *кланяясь.*

Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Жаловаться?... А кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода. Ты позабылъ это?... Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также, каналья, спровадить въ Сибирь. Что скажешь? — а?

ОДИНЪ ИЗЪ КУШЦОВЪ.

Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ. Лукавій попуталь. И закаемся впередъ жаловаться. Вся-

кое удовлетвореніе, какое хошь, готовы сдѣлать, не гнѣвись только!

ГОРОДНИЧІЙ.

Не гнѣвись!... Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отъ чего? отъ того, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопалъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

КУПЦЫ, плачутся въ ноги.

Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

ГОРОДНИЧІЙ.

Не погуби! теперь не погуби! А прежде что? Я бы васъ въ тюрьму, *(махнувъ рукой)*, ну да Богъ простить! Встаньте, полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотрите, — ухо востро! Я выдаю дочку свою не за какого нибудь простаго дворянина. Смотрите же, чтобъ поздравленіе было приличное, не то чтобъ отбояриться какимъ нибудь балычкомъ, или головою сахару, — понимаешь? Ну, ступай же съ Богомъ! *(Купцы уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢЖЕ, АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ, потомъ РАСТАКОВСКІЙ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, еще въ дверяхъ.

Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? Къ вамъ привалило необыкновенное счастье.

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастьемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны).* Анна Андреевна! *(Подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны.)* Марья Антоновна!

РАСТАКОВСКІЙ, входитъ.

Антонъ Антоновича поздравляю, да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ. Анна Андреевна! *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны).* Марья Антоновна! *(Подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢЖЕ, КОРОВКИНЪ СЪ ЖЕНОЮ, ЛЮЛЮКОВЪ.

КОРОВКИНЪ.

Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ея ручкѣ*).

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Душевно васъ поздравляю, Анна Андреевна, съ новымъ счастьемъ.

ЛЮЛЮКОВЪ.

Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ, и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удалства*). Марья Антоновна! имѣю честь поздравить! (*Подходитъ къ ея ручкѣ, и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удалствомъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Множество гостей въ стуртукахъ и фраккахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!» БОВЧИНСКІЙ и ДОВЧИНСКІЙ проталкиваются.

БОВЧИНСКІЙ

Имѣю честь поздравить.

ДОВЧИНСКІЙ.

Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

БОВЧИНСКІЙ.

Съ благополучнымъ происшествіемъ!

ДОВЧИНСКІЙ.

Анна Андреевна!

БОВЧИНСКІЙ.

Анна Андреевна! (*Оба подходятъ въ одно время и сталкиваются лбами*).

ДОВЧИНСКІЙ.

Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ*). Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, въ большомъ счастьи, въ золотомъ платьѣ ходить,

и деликатные разные супы кушать; очень забавно будете проводить время.

ВОБЧИНСКИЙ, *перебивал.*

Марья Антоновна, имью честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ, и сына такого маленькаго, вотъ этакаго, (*показываетъ рукою*), чтобъ можно было на ладоньку посадить, и такъ только все будетъ кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, подходящихъ въ ручки. **ЛУКА**

ЛУКИЧЪ СЪ ЖЕНОЮ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Имью честь....

ЖЕНА ЛУКИ ЛУКИЧА, *бѣжитъ впередъ.*

Поздравляю васъ, Анна Андреевна! (*Цѣлуются*). А я такъ, право, обрадовалась; говорятъ мнѣ: Анна Андреевна выдаетъ дочку. — Ахъ, Боже мой! думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: послушай Луканчикъ: вотъ какое

счастіе Аннѣ Андреевнѣ! Ну, думаю себѣ, слава Богу, и говорю ему: я такъ восхищена, что стараю нетерпѣніемъ изъяснить лично Аннѣ Андреевнѣ... Ахъ, Боже мой, думаю себѣ, Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла; и такъ право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: отъ чего ты, Настинька, рыдаешь? Луканчикъ, говорю, я и сама не знаю; слезы такъ вотъ рвкой и льются.

ГОРОДНИЧІЙ.

Покорнѣйше прошу садиться, господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ.

(Гости садятся).

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТѢЖЕ, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ И КВАРТАЛЬНЫЕ.

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

Имью честь поздравить васъ, Ваше Высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лета.

ГОРОДНИЧІЙ.

Спасибо, спасибо! Прощу садиться, господа!
(Гости усаживаются).

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Но скажите пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось: постепенный ходъ всего—то есть дѣла.

ГОРОДНИЧІЙ

Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственно-лично сдѣлать предложеніе.

АННА АНДРЕЕВНА.

Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ; говорить: я, Анна Андреевна, не посмотрю на то, что она не Графиня и не Княгиня; я именно изъ одного уваженія къ вашимъ достоинствамъ и вашей дочери. И такой прекрасной, воспитанной челоуькъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ. Мнѣ вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копейка; но именно за то только, что уважаю ваши рѣдкія качества, я прошу, я умоляю руки вашей; если вы будете жестоки...

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Перестань, ты ничего не знаешь, и не въ свое дѣло не мѣшайся! Я, Анна Андреевна, вы повѣрите ли, что я потому только нищу руки вашей, или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ. Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... и когда я хотѣла сказать: мы никогда не смѣемъ надѣяться на такую честь. тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! и если вы не согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, я смертью окончу жизнь свою.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

АННА АНДРЕЕВНА.

Да, конечно... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

ГОРОДНИЧІЙ.

И такъ даже напугалъ; говорилъ, что застрѣлится. Застрѣлюсь, застрѣлюсь, говоритъ.

МНОГІЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ.

Скажите пожалуйста!

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Вотъ подлинно, судьба ужь такъ вела.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *съ сторону.*

Вотъ этакой свиньѣ такъ и лезетъ въ самый ротъ счастье.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Ну, не хотите, на другой собакъ сойдемся.

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Ахъ, какъ Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себѣ представить.

КОРОВКИНЪ.

Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, онъ отправился на одинъ день по весьма важному дѣлу.

АННА АНДРЕЕВНА.

Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословенія.

ГОРОДНИЧІЙ.

Испросить благословенія; но завтра же... (Чихаетъ; поздравленія сливаются въ одинъ гулъ). Много благодарень!... Но завтра же и назадъ... (Чихаетъ. Поздравительный гулъ. Слышнѣе другихъ голоса):

ЧАСТНАГО ПРИСТАВА.

Здравія желаемъ, Ваше Высокоблагородіе!

БОВЧИНСКАГО.

Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

ДОВЧИНСКАГО.

Продли Боже на сорокъ сороковъ!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Что-бъ ты пропалъ!

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Чортъ тебя побори!

ГОРОДНИЧІЙ.

Покоривъше благодарю! И вамъ тогожь желаю!

АННА АНДРЕЕВНА.

Мы теперь въ Петербургъ намърены жить. А здьсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужь слишкомъ!... Признаюсь, большая неприятность... Вотъ и мужь мой: онъ тамъ получить генеральскій чинъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть Генераломъ.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

И дай Богъ получить!

РАСТАКОВСКІЙ.

Отъ чловька не возможно; а отъ Бога все возможно.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Большому кораблю большое плаванье.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

По заслугамъ и честь.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, *въ сторону.*

Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дьлѣ сдѣлается Генераломъ! Вотъ ужь кому пристало

Генеральство, какъ коровь сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не Генералы.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *въ сторону.*

Эка, чортъ возьми, ужь и въ Генералы лѣзеть! Чего добраго, можетъ и будетъ Генераломъ. Въдь у него важности, лукавой не взялъ бы его, довольно. (*Обращаясь къ нему*), Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

И если что случится, на примѣръ, какая нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительство.

КОРОВКИНЪ.

Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

АННА АНДРЕЕВНА.

Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во первыхъ тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять такими обѣщаніями?

ГОРОДНИЧІЙ.

Почему жь, душа моя: иногда можно.

АННА АНДРЕЕВНА.

Можно! Это ты себя такъ воображаешь.

ЖЕНА КОРОВКИНА.

Вы слышали, какъ она отзывается о насъ?

ГОСТЬЯ.

Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЪЖЕ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

ГОРОДНИЧІЙ.

А напримѣръ, что такое? Послушаемъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

НѢКОТОРЫЕ.

Какое? что?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетъ было написано какому-то Тряпичкину, въ С. Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамтскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ. Вѣрно, думаю себя, это обо мнѣ писано. Можетъ быть какъ нибудь дошло до него, что я для своего удовольствія распечатывалъ иногда письма. И въ ту же самую минуту, такъ какъ будто какая нибудь непредвидимая сила понудила меня распечатать.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Какъ! и это самое письмо?

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы это?... *(Всѣ показываютъ ужасъ).*

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Я и самъ испугался такой мысли, и въ ту же минуту положилъ письмо на столъ, и уже хотѣлъ позвать почталіона, чтобъ отправить скорѣе съ эшпафетой. Но только немножко отойду отъ стола, такъ вотъ опять и тянетъ, и тянетъ. Въ одномъ ухъ кричить: распечатай, въ другомъ

не распечатывай! распечатай, не распечатывай. Съ этой стороны такъ вотъ какъ бы подь руку кто нибудь толкаетъ, а съ другой стороны — какъ будто бы невидимая сила говоритъ: оставь, пропадешь какъ курица! Такъ что минутъ съ десять не зналъ, что дѣлать; наконецъ напропалую рѣшился распечатать.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ же вы смѣли распечатать?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ей Богу, распечаталъ! со страхомъ такимъ, какаго еще никогда не помню. И ставни вельбъ закрыть и собственноручно заткнулъ всѣ щелки. И какъ только придавилъ сургучъ, то огонь такъ по всему тѣлу и пробѣжалъ; а какъ разломалъ печать — морозъ, морозъ, такъ вотъ и чувствую что морозъ! А какъ вынулъ и развернулъ письмо-то, я уже не знаю, гдѣ я въ то время былъ. Зубы и губы такъ тряслись, что цѣлый часъ не могъ одной строчки прочесть.

ГОРОДНИЧІЙ.

Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Въ томъ-то и штука, что онъ и не уполномоченный и не особа!

ГОРОДНИЧІЙ.

Что жъ онъ по вашему такое?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Ни се, ни то; чортъ знаетъ что такое!

ГОРОДНИЧІЙ, запальливо.

Какъ вы смѣете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подь арестъ взять.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Кто? вы?

ГОРОДНИЧІЙ.

Да, я.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Коротки руки.

ГОРОДНИЧІЙ.

Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женится на моей дочери? Я самъ скоро буду вельможа, и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

ВСѢ.

Читайте, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *читаетъ.*

«Мая такого-то числа и пр. и пр. и пр., Я уже писалъ къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, о томъ, какъ обыгралъ меня въ Пензѣ пехотный Капитанъ. Трактирщикъ хотѣлъ даже потащить въ тюрьму. Къ батюшкѣ не писалъ: не доволенъ тономъ. Все одно: розги да розги. Этимъ, при те-перешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена перемѣнилась: я живу теперь у городничаго въ домъ, жуярюю, отпускаю bons mots. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать; думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ можетъ быть трудень доступъ, а матушка такая, что сію минуту готова влюбиться по уши. Самъ городничій преблагогороднѣйшій человекъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ!!!»

ГОРОДНИЧІЙ.

Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *показываетъ письмо.*

Читайте сами!

ГОРОДНИЧІЙ, *читаетъ.*

«Какъ сивой меринъ.» Не можетъ быть, вы это сами написали.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Какъ же бы я сталъ писать?

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ.

Читайте!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *продолжая читать.*

«Городничій преблагогороднѣйшій человекъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивой меринъ...»

ГОРОДНИЧІЙ.

О чертъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *продолжая читать.*

«Но... хм, хм, хм, хм... сивой меринъ. Почтмейстеръ тоже доброй человекъ...» (*Оставляя читать*). Ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ неприлично выразился.

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, читайте!

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Да къ чему жь?...

ГОРОДНИЧІЙ.

Нѣтъ, чертъ возьми, когда ужь читать, такъ читать. Читайте все!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки и читаетъ*). «Почтмейстеръ тоже добрый человекъ; чрезвычайно похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева; должно быть тоже, подлець, пьеть горькую.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *къ зрителямъ.*

Ну, скверный мальчишка, котораго нужно по-сбъчь: больше нечего!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *продолжая читать.*

«Кромъ того надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ какой-то» и... и... и... (*Заткается*).

КОРОВКИНЪ.

А что жъ вы остановились?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Да нечеткое перо ... впрочемъ видно, что не годяй.

КОРОВКИНЪ.

Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо*).

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, *не давая письма.*

Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

КОРОВКИНЪ.

Да позвольте! ужъ я знаю.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ

Прочитать, я и самъ прочитаю; даѣе, право, все разборчиво.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Нѣтъ, все читайте! Въдь прежде все читано.

ВСЪ.

Отдайте, Артемій Филипповичъ! отдайте письмо. (*Коровкину*). Читайте!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Сей часъ. (*Отдаетъ письмо*). Вотъ позвольте, я закрою пальцемъ. (*Закрываетъ пальцемъ*). Вотъ этого мѣста только не читайте, а прочее все можно. (*Всѣ пристаютъ къ нему*).

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Читайте! читайте все!

КОРОВКИНЪ, *читая.*

«Кромъ того, надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, какой-то Земляника; вообрази себѣ чухонскую свинью въ ермолкѣ, съ пребольшими ушами...»

АРТЕМІЙ ФИЛИПОВИЧЪ, къ зрителлямъ.

И ни мало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ ермолкѣ! Совсѣмъ неправдоподобно; гдѣ жъ свинья въ ермолкѣ бываетъ?

КОРОВКИНЪ, продолжалъ читать.

«А отъ зрителя училищъ страшно воняетъ лукомъ...»

ЛУКА ЛУКИЧЪ, къ зрителлямъ.

Ей Богу, и въ ротъ никогда не брамъ луку.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, въ сторону.

Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣтъ.

КОРОВКИНЪ, читаетъ.

«Кромъ того какой-то судья»...

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ)*. Господа, я думаю, что письмо дѣйствительно нѣсколько длинно. На первый разъ этого будетъ довольно.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Зачѣмъ же? Нѣтъ, мнѣ хочется все знать.

КОРОВКИНЪ, продолжаетъ.

«Какой-то судья Ляпкинъ-Тряпкинъ, ужасный мове тонъ»... *(Останавливается)*. Должно быть Французское слово.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

А чортъ его знаетъ, что оно значить! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть, и того еще хуже.

КОРОВКИНЪ, продолжалъ читать.

«Словомъ: дурачье страшное! По моей физиономіи приняли меня за Военнаго Генераль-Губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты пописываешь для Библіотеки для Чтенія. Пожалуста помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хорошенько. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пици для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Хочешь наконецъ чѣмъ нибудь этакимъ высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Сараговскую Губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ)*. Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ С. Петербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домъ подъ Но 97, поворота на дворъ въ 3 этажъ, направо.»

ОДНА ИЗЪ ДАМЪ.

Какой репримандъ неожиданный!

ГОРОДНИЧІЙ.

Вотъ когда заръзалъ, такъ заръзалъ! Убить, убить, совсѣмъ убить! Ни чего не вижу. Вижу какія-то свинья рылы, вмѣсто лицъ, а больше ничего.... Воротить, воротить его! (*Машетъ рукою*).

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Куда тутъ воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку, и впередъ послалъ предписаніе, — чортъ бы меня совсѣмъ побралъ!

ЖЕНА КОРОЕКИНА.

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрная конфузія!

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Однакожъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взялъ деньги взаймы.

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

У меня тоже триста рублей.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *вздыхаетъ.*

Охъ! и у меня сто рублей.

ВОВЧИНСКІЙ.

У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, *въ недоумльннн разставляетъ руки.*

Какъ же это, господа? какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали!

ГОРОДНИЧІЙ, *бьетъ себя по плечу.*

Какъ я?... нѣтъ, какъ я, старый дуракъ! выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ Губернаторовъ обманулъ!... Что Губернаторовъ!... А теперъ.... вертопрахъ, какой нибудь мальчишка.... на губахъ молоко еще не обсохло.... Ступай, ищи его, чортъ побори!... Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливадается.

АННА АНДРЕЕВНА, *мужу.*

Какъ же?... Вѣдь это не можетъ быть.... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился ужъ съ нашей Машенькой.

ГОРОДНИЧІЙ, *съ досадою.*

А развѣ ты не видишь, что у него все это: фу, фу? Пустьшій челоувѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за

важнаго человека, или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ въ себѣ что нибудь внушающее уваженіе; а то, чортъ знаетъ что: дрянъ, сосулька! тоньше сѣрной спички. И какимъ это образомъ случилось? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобъ ревизовать?...

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

А кто вынесъ? вотъ кто вынесъ! эти молодцы!
(Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).

БОВЧИНСКІЙ.

Ей-ей, не я, и не думалъ....

ДОВЧИНСКІЙ.

Я ничего, совсѣмъ ничего....

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Конечно вы.

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Разумѣется, вы первые прибѣжали какъ сумасшедшіе изъ трактира: прибѣхалъ, прибѣхалъ ревизоръ, и денегъ не платитъ.... Нашли, чортъ бѣ васъ побралъ, важную птицу.

ГОРОДНИЧІЙ.

Натурально, вы, сплетники городскіе, лгуны проклятые!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разказами.

ГОРОДНИЧІЙ.

Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя! сплетни съете, сорочки короткохвостыя!

АММОСЪ ФИЛИППОВИЧЪ.

Пачкуны проклятые!

ЛУКА ЛУКИЧЪ.

Колпаки!

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ.

Сморчки короткобрюхіе! (Всѣ обступаютъ ихъ).

БОВЧИНСКІЙ.

Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

ДОВЧИНСКІЙ.

Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это вы говорили.

БОВЧИНСКІЙ.

Э, нѣтъ, вы прежде....

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.**ТѢЖЕ И ЖАНДАРМЪ.****ЖАНДАРМЪ.**

Прибѣхавшій по Именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сей же часъ къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ. (Всѣ издаютъ звукъ изумленія, и остаются съ открытыми ртами и вытянутыми лицами. Нѣмая сцена. Занавѣсъ опускается).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

ПИСАННАГО АВТОРОМЪ ВКОРЪ ПОСЛЪ ПЕРВАГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ РЕВИЗОРА КЪ ОДНОМУ ЛИТТЕРАТОРУ.

.... Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое-же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой ширенги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться изъ Парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ вралемъ,—блѣдное лице, въ продолженіи двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ-же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни и намѣка въ немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгушъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что говоритъ. Онъ раз-

вернулся, онъ въ духъ, видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ—и потому одному онъ говоритъ плавно, развязно, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно, и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ неумѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто вести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину;—и здѣсь-то заключается именно все комическое дѣло. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе-бы выигралъ, если-бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталантныхъ актеровъ, и сказалъ-бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный *comme il faut*, умный, и даже пожалуй добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально; онъ лжетъ съ чувствомъ, въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы чтонибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физиономіи, рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно несравненно легче каррикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицъ-мундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга—дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего

не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который по видимому ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какогонибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, чорствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключаетъ въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены между прочимъ хорошихъ достоинствъ, было-бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднял-бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ тоже время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ ктонибудь на него пальцомъ, и не назвалъ-бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типъ многого разбросаннаго въ разныхъ Русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадаетъ и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться;

онъ любить даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только конечно въ кожѣ другаго, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ грѣшный литераторъ окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

И такъ неужели въ моемъ Хлестаковѣ невидна ничего этого? Неужели онъ просто блѣдное лице, а я въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія думалъ, что когда нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толкихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ судья я былъ самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропоть противъ моей-же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея припала пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы объ этомъ говоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучитель-

наго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою кажется совершенно примириль Ревизора Городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, объ коемъ уже начинали отзываться равнодушно, и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукописаніями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На Слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. За то оба наши пріятеля, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ нибудь вынесетъ и не такъ обкаррикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карриатура. Уже предъ началомъ представленія увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, включенные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что просто было не-

выносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и каррикатурна. Я как-бы предчувствовалъ это, когда просиль, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска. Не знаю самъ, отъ чего одолеваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво; признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и, что было-бы лучше, если-бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я однако-же не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано; стало быть, сказалъ я самъ въ себѣ, я плохо выполнилъ эту сцену; и точно теперь во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно, и носить признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ-же часъ принялся за передѣлку. Теперь кажется вышло не много сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для

этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи Ревизора.

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса кажется какъ будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты долженъ не опускаться занавѣсъ, что совершится все это должно въ тѣхъ-же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унижительно для актера и пр. и пр. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Не смотря на всѣ эти прочія, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: нѣтъ. Это не свяжетъ ни мало, это не унижительно; пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только снѣ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега: напротивъ вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лице его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена

только одна группировка; лице его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣннѣи разнообразіи для него бездна. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другаго, какъ не похожи ихъ характеры, и степень боязни и страха, въ слѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій; инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ понечитель, почтмейстеръ и пр. и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ, и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ, но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти, и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжить свою роль, и не смотря на то, что по видимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня не достаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми; мнѣ опротивила моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо....

1836 г. Мая 25.
С Петербургъ.

ДВѢ СЦЕНЫ ВЫКЛЮЧЕННЫЯ, И ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ,
КАКЪ ЗАМЕДЛЯВШІЯ ТЕЧЕНІЕ ПЬЕСЫ.

1.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Но я не знаю, маменька, отъ чего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза....

АННА АНДРЕЕВНА.

Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у насъ Полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы, — бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отъ чего ваши глаза просто говорятъ... И всѣ бывало въ одинъ голосъ: съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть все обстоятельства. А стоявшій въ это время Штабъ - Ротмистръ Старокопытовъ? Онъ не по-мнѣ проживалъ за ремонтомъ что ли? Красавецъ! Лице свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю что; глаза черные, чер-

ные, а воротнички рубашки его — это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, но не читывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ.... На мнѣ еще тогда была тюлевая перелинка, вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, тонкою не больше какъ въ палецъ — это просто было обворожение! Такъ говорить бывало: я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце говоритъ.... Я ужъ не могу теперь припомнить, что онъ мнѣ говорилъ. Кудажъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непременно застрѣлиться; да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Я не знаю, маменька, — мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

АННА АНДРЕЕВНА.

Никогда, никогда. Вотъ это ужъ нельзя сказать. Что вздоръ, то вздоръ

МАРЬЯ АНТОНОВНА.

Нѣтъ, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профили, у васъ губы все...

АННА АНДРЕЕВНА.

Пожалуста не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какънибудь не поспорила.... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. — За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ того и гляди, что онъ пріѣдетъ, и застанетъ насъ одѣтыми Богъ знаетъ какъ. (Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна).

—
—
—

ХЛЕСТАКОВЪ И РАСТАКОВСКІЙ въ *Екатерининскомъ мундирѣ съ эксельбантомъ.*

РАСТАКОВСКІЙ.

Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной Секундъ-Майоръ Растаковскій.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

РАСТАКОВСКІЙ *свѣль.*

А такъ вы изволите знать Задунайскаго?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Какого Задунайскаго?

РАСТАКОВСКІЙ.

Графа Румянцова-Задунайскаго, Петра Александровича. Вѣдь это мой бывший начальникъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да... такъ вы служили давно?...

РАСТАКОВСКІЙ.

Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло. Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда Сержантомъ, а Секундъ-Маіоръ былъ въ нашемъ полку — не изволите ли вы знать: Гвоздевъ Петръ Васильевичъ?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Гвоздевъ? какой это?

РАСТАКОВСКІЙ.

Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по Высочайшему повелѣнію покойной Императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, не знаю.

РАСТАКОВСКІЙ.

Я такъ и полагаю, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь не далеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что вышла за мужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

ХЛЕСТАКОВЪ.

За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

РАСТАКОВСКІЙ.

Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ Турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда Французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже Секундъ-Маіоромъ Фиктель-Кнабе, Нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но Генераль-Аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: ты, говоритъ, не Сихфридъ, а Супъ, — такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ; и съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и Секундъ-Маіоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражемъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я, и еще Квартирмистръ, если изволите знать — Трепакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять какъ умеръ.

ЖЛЕСТАКОВЪ.

Трепакинъ, — нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

РАСТАКОВСКІЙ не слушалъ.

Видной мужчина, русой волосъ, золотой эксельбантъ, ловко танцевалъ Польской. Хлопчетъ бывало рукою, и отобьетъ пару у самаго Полковника, и какъ только дѣвушки... хе, хе, хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только заглянешь къ нему въ палатку... хе, хе, хе... тамъ ужъ сидитъ, и на утро деньщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе, хе, хе... и портупея виситъ, хе, хе, хе...

ЖЛЕСТАКОВЪ.

Да эта подобная исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служить. Сидитъ онъ въ халатъ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полку, и говоритъ... *(Остнавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому)*. Послушайте однакожь, не можете ли вы мнѣ дать сколько нибудь въ займы денегъ? Я въ дорогъ истратился.

РАСТАКОВСКІЙ

Да кто это просилъ денегъ, чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

ЖЛЕСТАКОВЪ.

Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ нибудь не позабыть, такъ лучше теперь

РАСТАКОВСКІЙ

Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотъ-то попросилъ. Какъ въ разговоръ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ беспокоить преубѣдительною просьбою.

ЖЛЕСТАКОВЪ.

А что, о чемъ?

РАСТАКОВСКІЙ.

Долженъ получить прибавочнаго пансіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ Сенаторамъ, или кому другому.

ЖЛЕСТАКОВЪ.

Извольте, извольте.

РАСТАКОВСКІЙ.

Я самъ подавалъ просьбу, да только можетъ не туді, куда слѣдуетъ.

ЖЛЕСТАКОВЪ.

А какъ давно вы подавали просьбу?

ХЛЕСТАКОВСКІЙ.

Да если сказать правду, не такъ и давно,—въ 1801 году; да вотъ ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина Ивана Петровича, который вѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человекъ. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ-то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже не много и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало быть теперь скоро дѣло рѣшится.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да натурально теперь рѣшать скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны.... хорошо, хорошо.

НАЧАЛО IV ДѢЙСТВІЯ ПО ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ,

ДО СЦЕНЫ ХЛЕСТАКОВА СЪ ЗЕМЛЕНИКОЮ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХЛЕСТАКОВЪ *одинъ.*

Мнѣ нравится здѣшній городокъ. Такое добродушіе со стороны жителей... А какъ много значить нѣсколько времени пожить въ Петербургъ! Всѣ съ такимъ почтеніемъ суетятся, бѣгаютъ, какъ будто точно за какимъ нибудь важнымъ. Дочка у Городничаго очень хорошенькая! Такая свѣженькая, розовыя губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время. Городничій, я думаю, однако-же долженъ быть очень разсѣянъ: вмѣсто двухъ сотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста. — Я попрошу у него удержать ихъ на время при себѣ для путевыхъ издержекъ. — Я полагаю даже, если онъ уже такой доброй, еще попросить взаймы. — Оно хоть и не такъ теперь нужно, но все же лучше

за однимъ разомъ. Дорога вѣдь такая вещь, что ни какъ нельзя разсчитать въ обрѣзъ. Можетъ быть опять Капитанъ встрѣтится.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХЛЕСТАКОВЪ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *входитъ вытянувшись въ мундиръ, придерживая шпагу.*

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Имѣю честь представиться: Почтмейстеръ Надворный Совѣтникъ Шпекинъ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прошу покорнѣйше садиться.... Такъ вы въ этомъ городѣ и живете?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Какъ же! Мнѣ очень знакомъ вашъ начальникъ. Вѣдь это по Адмиралтейству, кажется?... Да, такой добрякъ. — Мы даже, если вамъ сказать правду, волочились вмѣстѣ за одною прехоро-

шенькою. — Ну, натурально: куда жъ ему! — Старикъ, бывало, всегда какъ только встрѣтитъ меня, я еще у Полицейскаго моста, а онъ у Аничкина — подниметъ палецъ, и кричитъ: злодѣй, счастливецъ, каналья!... А тамъ, знаете, ввечеру на Цевскомъ проспектѣ очень много можно встрѣтить хорошенькихъ... *(Въ сторону)*. У этого, мнѣ кажется, Почтмейстера можно занять денегъ. *(Вслухъ)*. Такъ вы здѣшній Почтмейстеръ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Такъ точно-съ.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Вообразите: какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ какъ нарочно все это самымъ акуратнѣйшимъ образомъ. — Вотъ это, думаю себѣ, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщикамъ на водку, это для моего крѣпостнаго челоука, и все какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь не достаетъ какой нибудь бездѣлицы: не можете ли вы одолжить мнѣ на самое короткое время сколько нибудь денегъ?

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Сколько прикажете?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да рублей хоть сто на первый случай; я завтра даже... или очень скоро возвращу.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

Сей часъ. *(Шаритъ въ карманахъ и говоритъ въ полголоса)*. Ахъ, Боже мой, вотъ штука, если не будетъ! Вотъ не приведи Богъ!... Есть, есть... *(Съ поспышностью даетъ ассигнаци)*.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Покорнѣйше благодарю! *(Въ сторону)*. Почтмейстеръ, кажется, хорошій человекъ.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ *встаетъ, вытягиваетъ и придерживаетъ шпагу.*

Не смѣя далье беспокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

ХЛЕСТАКОВЪ.

Прощайте, прощайте! хорошо, хорошо!

ЯВЛЕНІЕ III.

ХЛЕСТАКОВЪ И АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ *въ мундиръ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Имѣю честь представиться: Судья здѣшняго уѣзднаго суда, Коллежскій Ассесоръ Ляпкинь-Тяпкинь.

ХЛЕСТАКОВЪ.

А! сдѣлайте милость, садитесь. Что, вы давно занимаете тутъ мѣсто?

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Съ 816-го, былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Это хорошо. Я самъ тоже служу. Что, получаете награды?

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4 степени съ одобренія съ стороны начальства.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Да это впрочемъ еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ таковой, что пятнадцать лѣтъ служить, и получилъ только одну пряжку. — Скажите пожалуйста, мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать; со мною странный случай: въ дорогъ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ быть, завтра же отдамъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Сей часъ. *(Вынимаетъ поспѣшно изъ бумажника деньги).*

ХЛЕСТАКОВЪ.

Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогъ, знаете, такъ разныя потребности могутъ случиться. Никакъ нельзя предвидѣть. Въ одномъ мѣстѣ захочется поѣсть, въ другомъ купить что нибудь. Оно хоть бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ, раскланиваясь.

Не смѣя беспокоить своимъ присутствіемъ, имѣю честь пребыть...

ХЛЕСТАКОВЪ.

А вы уже ѣдете? За чѣмъ же такъ рано? Посидите еще. Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдовать.

АММОСЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Не смѣю беспокоить.

ХЛЕСТАКОВЪ.

Ну когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навѣстили меня. *(Выпровождаетъ Аммоса Федоровича).* Судья тоже, сколько мнѣ кажется, очень не глупой человѣкъ. Я люблю такихъ людей, съ которыми можно быть откровенну.

МОНОЛОГЪ ХЛЕСТАКОВА НА 123 С. ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ.

ХЛЕСТАКОВЪ, одинъ.

Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишко довольно населенъ. Теперь я вижу, сколько мнѣ кажется, они меня почитаютъ за человѣка государственнаго. Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физиогноміи точно есть что-то такое, внушающее... Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать въ займы денегъ.

А въ Петербургъ попробуй пойти къ какому нибудь даже последнему портнишкѣ, чтобы сшилъ тебѣ въ долгъ фракъ: ни за что не сошьетъ. Мнѣ кажется, это ужъ черезъ чуръ.... такое развращеніе нравовъ можетъ быть только въ столицѣ. — А, перечестъ сколько у меня теперь денегъ. (*Вынимаетъ изъ кармана*). Въ этой пачкѣ четыреста. (*Кладетъ особо*). Сколько тутъ? (*Считаетъ*) двадцать пять, пятьдесятъ, семьдесятъ пять.... какая замасляная!... сто, и тутъ сто... о! о! всѣхъ до тысячи добирается! А должно быть однакожь, сколько мнѣ кажется, эти чиновники большіе дураки; въ головѣ только я думаю... фэй... даже посвистываетъ! Такая простота. Написать нарочно объ этомъ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пускай-ка ихъ отбръветъ хорошенько,—это право будетъ хорошо. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила.

Прочія мѣлкія исправленія (с. 116, 120, 121.) перваго изданія здѣсь неотмѣчаются.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ.

Замѣчанія для гг. Актеровъ.

ГОРОДНИЧІЙ, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по своему, человекъ. Хотя и взяточникъ, но ведетъ себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокоумію, довольно быстръ, какъ у человека съ груборазвитыми склонностями души. Онъ одѣтъ по обыкновенію въ своемъ мундирѣ съ петлицами и ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженные съ просѣдою.

АННА АНДРЕЕВНА, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная вполонину на романахъ и альбомахъ, вполонину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна, и при случаѣ выказываетъ тщеславіе.

Береть иногда власть надъ мужемъ, потому только, что тотъ не находится что отвѣчать ей. Но власть эта распространяется только на мелочи, и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіи пѣсы.

ХЛЕСТАКОВЪ, молодой человекъ, лѣтъ 23-хъ, тоненькой, худенькой; нѣсколько приглуповатъ, и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ. Одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постоянного вниманія на какой нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

ОСИПЪ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любить себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровень, въ разговорѣ съ баринѣмъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣ своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его сѣрой или синій поношенный сюртукъ.

БОБЧИНСКІЙ И ДОБЧИНСКІЙ, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похо-

жи другъ на друга. Оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою, и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго. Оба въ сѣрыхъ фракахъ, желтыхъ панковыхъ панталонахъ. Сапоги съ кисточками. Представляются — Добчинскій въ широкомъ фракѣ бутылочкаго цвѣта; Бобчинскій въ прежнемъ гарнизонномъ мундирѣ.

ЛЯПКИНЪ-ТЯПКИНЪ, судья, человекъ прочитавшій пять, или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумень. Охотникъ большой на догадки, и потому каждому слову своему даетъ вѣсь. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

ЗЕМЛЕНИКА, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человекъ, но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ. Костюмъ его: довольно широкой фракъ, но въ четвертомъ дѣйствиіи является въ узкомъ губернскомъ мундирѣ съ короткими рукавами и огромнымъ воротникомъ, почти захватывающимъ уши.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, простодушный до наивности человекъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій. Оригиналы ихъ всегда почти находятся предъ глазами.

ГОСТИ должны быть разнохарактерны. Они должны быть высокіе и низенькіе, толстые и тонкіе, нечесаные и причесанные. Костюмированы тоже должны быть различно—во фракахъ, венгеркахъ и сюртукахъ разнаго цвѣта и покроя. Въ дамскихъ костюмахъ таже пестрота: одни одѣты довольно прилично, даже съ притязаніемъ на моду, но должны имѣть что нибудь не такъ какъ слѣдуетъ, или цепецъ на бекрень, или ридикюль какой нибудь страшный. Другіе въ платьяхъ уже совершенно непринадлежащихъ ни къ какой модѣ. Съ большими платками и чепчиками въ видѣ сахарной головы и проч.

Вообще слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлое всей пьесы. Страхъ, испугъ, недоумѣніе, суетливость, должны разомъ и вдругъ выразаться на всей группѣ дѣйствующихъ лицъ, выразаться въ каждомъ совершенно особенно, сообразно съ его характеромъ.

8761

11760

Ону імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

С. 1